

Дмитрий Барчук

МАМА И ДРУГИЕ БЛИЗКИЕ

очерк воспоминаний

– Где моя мама? А вдруг с ней что-нибудь случилось?! А-а-а!!!

Я рыдал на всю детскую эндокринологию, куда в шесть лет меня положили с сахарным диабетом. Шёл второй месяц госпитализации. Один – в огромной столице, а мама за тысячи километров дома, в Казахстане. Напрасно медсестры и дежурный врач пытались меня утешить. Их потуги только усиливали мою истерику. Сознание мальчишки рисовало картины одну ужаснее другой. То мама не заметила вылетевшую из-за угла на всей скорости машину, то в тёмном переулке на неё напали грабители с ножом...

Полная нянечка, похожая на бабушку, мамину маму, отводила меня в палату.

– Всё с твоей мамой в порядке, Дима. Междугородняя линия, видать, перегружена. Так бывает.

– Но почему она не позвонила? Она же обещала... – сквозь всхлипы продолжал долдонить я.

– Завтра позвонит! – бабушкина копия гладила меня по вихру.

Опустошённый рыданиями, я постепенно засыпал.

А следующим вечером перед отбоем на посту медсестры раздавался длинный звонок.

– Алло, Москва? Ответьте Павлодару...

Меня не нужно было звать. Затаив дыхание, я давно уже стоял у сестринского стола, воспринимая случившееся как чудо...

Теперь чуда уже не будет. Звонок врача из реанимации.

– Барчук Нина Яковлевна кем приходится вам?

– Мама.

– Примите мои соболезнования. Ваша мама скончалась в 13 часов 29 минут...

И хотя это произошло не на седьмом году, а на седьмом десятке лет моей жизни, и сам я – уже дед, но ощущение чудовищной пустоты от утраты самого близкого и дорогого мне человека не ослабло. Скорее – наоборот. Я дожил почти до старости, зная, что мама – недалеко, она постоянно думает обо мне, я под её защитой. Мальчишеской истерики уже нет, сила переживаний направлена внутрь. И от этого ещё больнее. Эти записки – попытка справиться с горем. Выливаясь в строки, боль утихает.

Ничто не возникает из ниоткуда, и ничто не уходит в никуда. Мы есть продолжение наших предков, звенья в цепи поколений. За тысячелетия накопи-

лось несчётное число комбинаций, даже искусственному интеллекту не упорядочить их. Но черты характера, определяющие личность, всё ж из ближнего круга – родителей, дедов, прадедов... Это обозримо, дотуда дотянуться можно. И попытаться понять.

Почему встречаются и влюбляются разные люди? Или на самом деле однополярные полюса отталкиваются? Перелистывая страницы поколений в воображаемой родовой книге, я не перестаю удивляться: везде – похожие сюжеты, выверты судьбы!

Мама родилась в посёлке Форпост Большереченского района Омской области на исходе четвёртой недели Великой Отечественной – 18 июля 1941 года. У деда после финской была бронь, её сняли только осенью, и рождение первой дочери он отметил по-русски, до сельсовета добрался лишь через день. А председатель пошёл на принцип, и дату рождения поставил 20 июля, когда протрезвевший папаша соизволил оповестить власть. Так у моей мамы стало два дня рождения. Де-факто и де-юре. С выбором имени для новорождённой родители к согласию пришли быстро. В бабушкин день рождения, 27 января – именины святой Нины, а дед посчитал, что обладательнице грузинского (на самом деле – ассирийского) имени легче будет жить в сталинском Советском Союзе.

На фронт деда призвали в ноябре. Не буду лукавить, сам он туда не рвался. Что такое война, Яков Барчук испытал на себе ещё в боях с японцами на озере Хасан в 1938-м. А в финскую кампанию чуть не отморозил и руки, и ноги – сутки пролежал в засаде на лютом морозе, выслеживая финского снайпера.

На призывной пункт явился в валенках и полушубке. В снайперы же идти отказался, соврал, что после обморожения плохо чувствует пальцы. Его направили в артиллерийский учебный центр под Харьков. Оттуда и отступал до самого Сталинграда.

Бабушка с маленькой Ниной осталась у дедовской родни в Форпосте, но отношения снохи со свекровью не сложились. И в одно морозное утро молодая мамаша не выдержала, укутала четырёхмесячную дочку в пуховое одеяльце и подалась к своей матери в родное село, за двадцать километров. Благо, снега ещё много не намело, пробраться можно. Но заблудилась. Выберет берёзу повыше, положит дитё под дерево, заберётся на самую верхотуру и дорогу выглядывает. Дошла уже затемно. И осталась до возвращения мужа.

БАРИНЫ-КРЕСТЬЯНЕ

Фамилия наша происхождения совсем не украинского, она возникла в Сибири от прозвища-клички ссыльного дворянина белорусско-литовских кровей. В 1864 году в Омский округ из Гродненской губернии за участие в польском восстании был сослан 18-летний Владислав Глинка. Местом его поселения власти избрали один из форпостов на Старом Сибирском тракте между Тарой и Каинском. За непригодность к физическому труду местные жители прозвали белоручку Барчуком. Прозвище пристало быстро, и по фа-

милии его уже никто не называл. Он сошёлся с местной девицей Анной Ковалёвой, родившей вскоре мальчика, которого нарекли Иваном. От венчания ссыльный отказался: он-де католик, а она – православная. Видать, хотел себе другой жизни. И вскоре благодаря хлопотам высокопоставленных родственников выбрался-таки из сибирской ссылки. Уехал к дяде-генералу в европейскую часть России и там уже официально женился на дворянке, без возражений перейдя в православие.

Отец Анны поначалу внука не признал, выговорив дочери, мол, сама нагуляла – сама и расхлёбывай. Но после отъезда несостоявшегося зятя принял обратно в родительский дом. Так в семействе сибирских старожилов Ковалёвых появился Иван Барчук, мой прадед. Крещённый в православной церкви, повзрослев, он по иронии судьбы влюбился в католичку, дочь ссыльного поляка из Кракова Марию Синецкую. Чувства у молодых были взаимными, и моя прабабушка ради союза с милым приняла православную веру.

Я встречался с прадедом, даже сидел у него на коленях и трогал его длинную седую бороду. Он дожил до девяноста лет, и за год до своей кончины приезжал в Павлодар к сыну, попрощаться. А прабабушку я видел только на фотокарточках: худенькая, щупленькая, темноволосая. Рассказывали, что она была остра на язык и спуску никому не давала. Моей маме бабушка по отцовской линии запомнилась только двумя польскими восклицаниями – «Матка боска!» и «Пся крев!».

Но прадед в ней души не чаял. Невидимыми узами крепко привязала к себе его польская панна, родив троих сыновей и семерых дочерей. Мужа ни на войны, ни на революции от себя не отпускала. А сыновей вот не удержала. В начале сорок второго пришло извещение на младшенького, любимца Тимошу – пропал без вести. Мать не теряла надежды, что сын – где-то в госпитале, ранен, пусть даже попал в плен... Война закончилась, старшие сыновья под новый 1946-й вместе вернулись домой, встретившись в поезде из столицы в Омск. Оказалось, Яков долечивался после тяжёлого ранения в госпитале в Кенигсберге, а Семён после Победы добивал бандеровцев в Карпатах. Но Тимофей так и не вернулся... На мемориальном комплексе в подмосковной Кубинке и на сайте «Память народа» Тимофей Иванович Барчук числится как погибший.

Передо мной фотография деда – Якова Ивановича, сделанная в Восточной Пруссии и датированная 15 сентября 1945 года. Её он выслал полевой почтой из госпиталя лично моей маме. Привожу орфографию оригинала со всеми ошибками, ведь дед за партией вообще не сидел: «На Памить Любимайдочири Ниночки от папи Якова. ... доч Нина сообщу я тебе что я жив здоров жди скоро приду домой все ваш Папа Яков».

Учиться Якову Барчуку было некогда. Он родился в октябре 1914-го, в начале Первой мировой. Вторым ребёнком в большой крестьянской семье. Семён да он – первые отцовские помощники в любом деле. Опровергая данное когда-то ссыльному предку прозвище, Барчуки белоручками не были. Всё умели, всё у них получалось. В период НЭПа их хозяйство росло и крепло. Семь лошадей, пять коров, сельхозинвентарь: бороны, плуги, сеялки, веялки... Каждый год – прибавление в семье. Когда началась коллективизация и советская власть стала раскулачивать зажиточных крестьян, прадед всерьёз стал опасаться, что

молох репрессий обрушится и на них. Примеров в окрестных сёлах было предостаточно. Накануне крестьянского схода по записи в колхоз он отправил своего любимца Яшку в Омск. Наказал, чтобы тот на вокзале сел на поезд до Иркутска, потом на перекладных – до Усть-Кута, а там на теплоходе – по Лене в Якутию. На прииске Незаметный в старательской артели мыл золото их односельчанин, он обещал пристроить мальчика.

Конечно, боялся прадед за малого сына, отправляя его на край земли. Но ещё больше боялся, что вся семья может сгинуть бесследно в ссылке. А так, глядишь, хоть Яшка выживет... Но беда обошла стороной. Прадед первым записался в колхоз, сдал сельхозинвентарь, отвёл скотину в общее стадо. И не попал в кулачьи списки, прошёл за середняка.

Смилоствивилась судьба и над моим дедом.

В 2015 году я писал книгу о золотодобывающем холдинге «Селигдар» и побывал в Алдане, в тех местах, где прошла дедова юность. В пятидесятиградусный мороз даже в современных арктических вахтовых модулях было прохладно. До столовой каких-то двести метров, но уже на полпути в пуховике, свитере и двух комплектах термобелья ощущаешь себя совершенно голым... Восемь таких зим провёл дед в посёлке старателей – подросток, юноша. А когда появилась возможность, вернулся домой. Намытого им золота хватило на приданое всем семерым сёстрам.

БОГ НИЧЕГО ЩЕПОТЬЮ НЕ ДАВАЛ

В паспортах подданных Российской империи национальность не указывалась, только вероисповедание. Православные, католики, магометане, иудеи... Были ещё староверы. Тоже православные христиане, но не принявшие церковные реформы патриарха Никона в XVII веке по унификации обрядовой традиции и книжной справе. Они продолжали креститься не тремя, как все христиане, а двумя пальцами, и в молитвах называли Бога не «Иисус», а «Исус».

Если в дедовой семье религиозный конфликт происходил между двумя христианскими конфессиями – православием и католичеством, то в бабушкиной – уже внутри самой православной веры, между общепринятым никонианством и старообрядчеством. Но в дедовской родословной оба раза побеждало православие (вера Ковалёвых брала верх над религией Глинок и Синецких, и прадед, и дед были воспитаны в православной традиции), а в бабушкиной в лучшем случае была ничья. По крайней мере, старообрядчество не признало своего поражения. Благодаря нестигаемому упрямству моей прабабушки – Екатерины Коршуновой.

Её отец был купцом и занимался конным извозом на Сибирском тракте, на воспитании и образовании дочери не экономил. Гувернёров и учителей выписывал не только из Тобольска и Омска, но и из столиц. Ещё ребёнком родители возили дочь в Париж и Венецию.

Образование Екатерина получила для девицы дореволюционной России самое лучшее – на словесно-историческом отделении знаменитых Бестужевских курсов в Санкт-Петербурге. Из-за образованности долго не могла выйти

замуж. Ей было уже далеко за тридцать (по тем временам совсем старая дева), когда, ухаживая за ранеными в Петроградском госпитале, она встретила земляка. Иван Неупокоев из соседнего села Тутаево был моложе её, происходил из простой солдатской семьи. Не в одном поколении его предки верой и правдой служили царю и отечеству. Сам Иван на германской войне из солдата дослужился до подпоручика, был тяжело ранен, в беспомощности доставлен в госпиталь. Екатерина выходила его, и у них закружился роман.

На дворе революция – одна, потом другая. Война. Мятеж генерала Корнилова. А у них – любовь. Сколько я ни спрашивал у мамы и тётушек, в какой церкви венчались их дедушка с бабушкой, и венчались ли вообще, – никто ничего толком не ответил. Знаю только, что Иван Неупокоев не был старовером, и родительского благословения на брак с щепотником купец Коршунов не дал. Баба Катя вышла замуж, как тогда говорили, убёгом. Осенью 1917-го молодые вернулись в Сибирь, поселились в Тутаево у родителей мужа, и там Екатерина родила сына Тихона, а в январе 1919-го – мою бабушку Марию. В том же году схоронила умершего от тифа мужа.

Участь бабы-Катиных родителей была незавидной. Имущество купцов Коршуновых большевики реквизируют, но саму её, вдову с двумя малыми детьми, не тронули.

Советская власть объявила религию «опиумом для народа». Без разницы – никонианская церковь или кержацкая, мечеть или костёл – все «объекты культа» разрушались без разбора, за одни разговоры о Боге можно было лишиться не только свободы, но и жизни. Но детей втайне, на дому, продолжали крестить. Несмотря на протесты свёкра и свекрови баба Катя крестила своих детей в старой вере. И младших внушек-двойняшек Сашу и Раю, родившихся в декабре 1946-го в Таре, – тоже. Только с моей мамой у неё вышла промашка, её окрестили Барчуки и Ковалёвы в начале войны по традиционному православному обряду.

Свой век кержачка доживала в дочериной семье, вплотную занималась воспитанием внушек. Длинными зимними вечерами в суровом таёжном краю в полуголодное послевоенное время она рассказывала притихшим девчонкам, как волшебные сказки, о своих детских путешествиях.

– Венеция скоро уйдёт под воду...

Счастливая Нина засыпала под бабушкины рассказы, и ей снились вытянутые гондолы, скользящие по узким каналам, которые вместо улиц в средневековом городе. Галантные дожи и их дамы в роскошных нарядах с лицами, скрытыми маскарадными масками, гуляют под руку по набережной морского залива, где на рейде покачиваются парусники с пряностями из дальних стран... С тех пор заветная, в СССР почти несбыточная, мечта моей мамы – прокатиться на гондоле по Гранд-Каналу.

В апреле 2000 года она осуществилась. Из Москвы мы прилетели в Венецию, жили в отеле в пригороде Лидо-ди-Йезоло. И целых три дня каждое утро, как на работу, уплывали в Венецию на катере. Потом ещё трое суток жили во Флоренции и четверо – в Риме... Перед самым вылетом на родину в римском аэропорту Леонардо да Винчи счастливая мама произнесла сакраментальную фразу:

– Осталось увидеть Париж. И умереть.

Я не хотел такого исхода, и в следующем путешествии Париж заменил Прагой и Веной. Перед отъездом из австрийской столицы случился форс-мажор: забастовали железнодорожники, и мы на такси добирались до Праги, потом на электричке до польской границы. Но свой вагон всё-таки догнали. Дорожные переживания обернулись для мамы обострением гипертонии, о дальнейших поездках за рубеж пришлось забыть. Зато она прожила ещё двадцать лет...

Населённых пунктов – малой родины моих предков – на современной карте нет. Ничегошеньки не ведаёт о Форпосте, где жили Ковалёвы и Барчуки и где родилась моя мама, вундеркинд Гугл. Молчит о Тутаево, родном селе моей бабушки, отечественный всезнайка Яндекс. Даже в списке умерших деревень в Интернете они уже не значатся. Коротка память у таких архивов!

Зато сохранилась бабы-Катино родовое село Коршуново – теперь уже деревня, где в 2010 году проживал всего 71 человек. От неё до Тары – 60 километров на север. Между ними – село Черняево, где жила дедова сестра баба Лена, и деревня Советская Крестьянка, где после войны руководил колхозом дедов брат Семён. Но это – уже Тарский район, а Форпост и Тутаево были в Большереченском, чуть южнее... Такая вот история с географией.

Дед увидел бабушку на почте, сразу на неё «запал». Для вернувшегося с якутских приисков молодца даже её замужество не имело ровным счётом никакого значения. И что муж служил в НКВД, и что на дворе – 1937 год.

Влюблённому двадцать вёрст не крюк, по субботам он первым являлся на танцы в тутаевский клуб. Удавалось одолжить у кого-нибудь коня – хорошо, а нет – так пешком. Приходил, выглядывал по сторонам, когда же придёт его зазноба...

Бабушка пленила моего энергичного деда своей спокойной красотой: правильные черты лица, высокий лоб, прямой нос, чувственные губы немного поджаты и вытянуты в струну. Когда она улыбалась, её лицо освещалось каким-то внутренним сиянием. Дед наверняка заметил, что мыслями и сердцем она живёт в совсем другом мире, где нет зла, предательства, болезней, а в мире реальном просто отбывает повинность. Он сердцем чувствовал её бесконечную, безбрежную, до самопожертвования, доброту.

Но что она, всегда уравновешенная и рассудительная, нашла в этом дерзком ухажёре? Сегодня бы моего деда, каким он был в молодости и в зрелом возрасте, назвали б «мачо». Видный, статный парень, потом мужик. Смелый, отчаянный, он мог очаровать любую, вдобавок обладал каким-то внутренним благородством, что женщинам в нём нравилось особенно. Совсем не такой, как первый бабушкин муж.

Тот служил в Таре и домой выбирался не часто. Добрые люди вскоре донесли, что к его молодухе бегают один из соседнего села. Вскипела кровь у недавнего молодожёна: ах так?! Не жена она мне боле!

А деду того и надо, увёз он свою Манечку в Форпост. А через год она родила ему сына Мишу. В два годика мальчик заболел воспалением лёгких, до больницы довести не успели. Дед тогда воевал с финнами...

Дед с бабушкой уже не венчались, расписались в сельсовете задним числом. Щепотник и кержачка. Для их любви вероисповедание значения уже не имело.

После войны дед решил начать новую жизнь на новом месте и перевёз семью в Тару. Старинный город на берегу Иртыша, основанный ещё в XVI веке, на десять лет старше Томска, а в Омской области вообще самый древний. Перед фронтовиком-орденоносцем открылись большие карьерные перспективы, он устроился завхозом в педагогическое училище. По должности ему полагался персональный транспорт: телега с плетёным коробом для пассажиров и конь. Жеребец у деда был почти чёрный, с седой гривой, по кличке Милый. Сам возница был под стать коню, такой же франт – кожаная фуражка, трофейный сюртук, брюки-галифе и начищенные до блеска сапоги. А ещё заломленная «беломорина» в уголке рта и лукавый взгляд. В общем – первый парень на деревне.

Случалось, умаявшийся ямщик засыпал на ходу, но Милый неизменно доставлял его до дому. А то, что терялось по дороге, приносили бабушке соседи – картошку в мешке, ягоду в лукошке... Однажды принесли даже гуся:

– Вот, Яков Иванович потерял...

С зятем тёща ладила, и дед мой бабу Катю очень уважал. Половину своей получки отдавал жене на хозяйство, а треть – теще, как в сберкассу, на чёрный день. Остальное – дочкам на сладости. Себе на выпивку если и оставлял, то самую малость. Когда же возвращался с работы особенно пьяным и, вопреки очевидному факту, божился, что «истинный крест, капли в рот не брал!», то получал от тещи по рукам. И не за то, что врал безбожно, а что крестился тремя пальцами.

– Бог ничего щепотью не давал! – шипела старая кержачка. – Двумя перстами православные крестятся. Двумя!

А дед, довольный, что ловко отвертелся от домашней выволочки, заваливался на кровать и засыпал блаженным сном.

Он прошёл три войны, несколько раз был ранен, но, вопреки расхожему сейчас афоризму «В окопах атеистов нет», особой потребности в вере не испытывал. В атаку он ходил «за Родину, за Сталина». А после Победы жил по принципу «Не согрешишь – не покаешься, не покаешься – в рай не попадёшь». Он любил жизнь. Любил жену. Но и другие женщины ему нравились.

Муж тёти Раи, дядя Рустэм, как-то афористично обмолвился о тесте:

– Дед пять лет воевал, а потом двадцать пять лет Победу праздновал.

ВНАКЛОН МОЖНО, НА КОЛЕНЯХ – НЕЛЬЗЯ

В трудные времена в Сибири выживали на картошке, всё намолоченное зерно уходило в закрома государства. Мама рассказывала, что многие из её сверстников, особенно после зимы, становились «пузатиками» – сами худые, а животы раздутые. Всю землю, какую выделяли на семью, засаживали картошкой. Не дай бог какая-нибудь из дочерей опустится на колени при посадке или копке клубней – тут же получит от отца хворостиной по спине.

– Земле нужно кланяться, а не на коленках ползать!

Этот отцовский урок Нина Барчук запомнит крепко, и даже в восемьдесят лет не встанет перед грядкой на колени. Я всегда удивлялся маминым терпению и выносливости, она могла часами, согнувшись буквой «Г», пропалывать морковку или чеснок. Потом испытывала жуткие боли и ходила сгорбленная. Один хирург, посмотрев рентгеновский снимок её позвоночника, едко пошутил:

– У вас кости, как у вымершего динозавра!

Какая сила преодолевала элементарный инстинкт самосохранения, я не знаю. Кержацкое упрямство? Дворянская гордость?

– Нинка – как баран! Ей хоть кол на голове чести, а она – всё своё! – приговаривал дед, заправляя ремень, которым только что от души отходил старшую дочь. – Даже не пикнула, упёртая!

Но в глубине души отец ей гордился.

– Вся в меня! – добавлял он тихо, чтобы дочка не слышала.

Зимой 1954-го дом Барчуков подожгли. Мама считала, что это кто-то из обманутых мужей дедовых зазноб.

– Добро – дело наживное. Главное – все живы, – философски заметил дед на пожарище.

Но он ошибся. Бабу Катю хватил удар, от которого она так и не оправилась.

Схоронив тещу и перекантававшись зиму у родственников, по весне Барчуки двинулись на запад. Дед списался с боевым товарищем из Россоши Воронежской области и решил податься в тёплые края, где растут яблоки.

Но не смог он прижиться на новом месте. Люди там оказались другими, каждый сам по себе. Куркули.

– Наварят большую кастрюлю борща и едят всю неделю. Ни выпить, ни закусить не с кем, – вспоминал он потом несчастных советских европейцев.

Возвращаться в Тару, поджавши хвост, как побитому псу, для Якова было сродни поражению. Выручил двоюродный брат – Сергей Ковалёв, которого дед считал за родного. Он поехал осваивать целину и осел в Павлодаре, всего-то каких-то триста километров от Омска на юг по Иртышу. На север Омская область дальше простирается.

Да, степь. Ну и что? В пойме Иртыша – лиственные леса, рыбалка, грибы. А охоту дед не любил, особенно после войны.

Союзная республика? Другое государство? Рассмешили. Границы-то условные. Страна одна – великий и могучий Советский Союз. Да и самих представителей титульной национальности в областном центре было немного. В основном – русские, украинцы, немцы...

Правда, соседями по дому (Барчуки купили половину) оказались казахи – единственные на весь квартал по улице Фрунзе, между улицами Толстого и Достоевского. Но люди добрые и отзывчивые.

Новое жилище заметно уступало прежнему. В Таре был большой крестовый дом, а в Павлодаре, по сути, одна комната квадратов тридцать. Её отдали дочерям. Потом дед соорудил из фанеры перегородку, отгородив часть пространства для спальни. В углу стояла обшитая листовым железом и выкрашенная в

чёрный цвет круглая печь-голландка, плиты на ней не было. Еду бабушка готовила на русской печи в пристройке, позже – на газовой плите с привозными баллонами. Тут же была горница, а за занавеской – металлическая кровать с панцирной сеткой для родителей.

Деда приняли на работу в областное УВД заведующим хозяйством, но вскоре из-за пристрастия к спиртному перевели в бригады охраны. Он и бабушку устроил туда на работу сторожем, она охраняла небольшой продуктовый магазин прямо напротив дома, через дорогу. Зимой уходила на дежурство в магазин, а летними ночами сторожила из дома – возле открытого окна с винтовкой. Иногда её подменял дед, чтобы Манечка выпалась.

Четверть века проработала Мария Ивановна на одном месте. А перед выходом на пенсию её, простого сторожа, даже наградили орденом «Знак Почёта».

Теперь дед всю свою получку отдавал бабушке, а на выпивку себе зарабатывал подшивкой валенок, главной зимней русской обуви. Подошва у валенок изнашивалась быстрее, чем голенище; дед войлоком от голенищ старых валенок подшивал новые – для клиентов. Для прочности использовал просмоленную суровую нить. И так ладно у него это получалось, что от заказчиков не было отбоя.

Пьяному деду бабушка никогда сцен не устраивала. Знала, что он таскается по другим бабам, терпела и молчала. Но однажды, уже в Павлодаре, её терпению пришёл конец – сплела петлю и повесилась в сарае. Повезло, что соседка за чем-то заглянула во двор. Насилу откачали.

После этого дед гулять перестал. Бабушку он всё равно любил больше всех, и она его, кобеля, тоже любила. Возможно, даже больше дочерей и внуков.

«Честь имею!», – дед никогда не произносил таких высокопарных слов, он просто так жил. Перед начальством не выслуживался, работу свою делал честно, друзей не предавал. Разве только жену? Но это природа, инстинкт, не умышленно ведь. Бабушка это понимала, потому и прощала.

Когда я начал делать первые шаги, она восхищённо говорила маме:

– Нина, а Димка, как Яша, вообще под ноги не смотрит!..

Для меня, первого внука, деду было ничего не жаль, даже своих боевых наград. Мне специально пошили пиджачок под военный китель, а на него нитками, чтобы не потерял, пришили дедовы медали. Однажды он пьяный так расщедрился, что отдал даже свой орден – Великой Отечественной войны. Я тогда не знал цены наградам и променял орден на красивые значки...

В старости дед заказал орденские планки, но надевал их очень редко, только когда ходил в собес. Сколько раз просил я его выступить у меня в школе на классном часе как фронтовика. Даже бабушки, труженицы тыла, выступали. Но дед так и не согласился. Не хотел вспоминать.

ТЯСИНА

Так мама хотела назвать свой первый рассказ – о том, как мещанский быт затягивает людей. С точки зрения подросткового максимализма её родители

были стопроцентными мещанами, даже отцовские фронтовые подвиги остались в далёком прошлом. В настоящем же – нелюбимая работа, плохо устроенный быт, выпивки. Рутинное повседневное выживание. А где-то геологи открывали новые месторождения полезных ископаемых, учёные создавали космические аппараты, писатели сочиняли романы. Совсем другая жизнь! У неё, Нины Барчук, когда станет взрослой, непременно будет именно такая – насыщенная и прекрасная.

Пока же выходом из невыносимой серости бытия для девчонки были книги, она проглатывала их без разбора. Подумаешь, «Жан-Кристоф» Ромена Роллана или «Жизнь Клима Самгина» Максима Горького в нескольких томах! На две-три ночи... Дед запрещал для забавы жечь электричество – так мама умудрялась читать у окна при свете уличного фонаря. И не только такие вещи, как «Три мушкетёра» или «Графа Монте-Кристо» Александра Дюма. Она сутками не спала из-за прозы пролетарских писателей! Став студентом филфака, я с огромным трудом заставлял себя пробираться через утомительные сюжеты этих многотомных эпопей.

От мамы мне передалась память на стихи. Если стихотворение мне нравилось, то достаточно было пару раз прочесть, чтобы запомнить на всю жизнь. Но на длинные произведения моей памяти, в отличие от маминой, не хватало, разве что на «Чёрного человека» Сергея Есенина. Она же легко читала по памяти всю первую главу «Евгения Онегина». А «Мцыри» Лермонтова декламировала акушерам, когда рожала меня.

Другой отдушиной для неё стал спорт. В Павлодаре она увлеклась лыжами. Особой физической силой мама никогда не отличалась, но упрямства у неё всегда было с избытком.

– Я не могла на лыжне видеть перед собой чью-то спину, – признавалась она. – Умру, но пусть все видят только мою!

На пьедестал победителей областного первенства она взошла в пятнадцать лет под чужой фамилией, потому что к участию в соревновании допускались девушки от шестнадцати и старше.

Ещё ей нравилось сидеть в президиуме на областных комсомольских конференциях. Молодой актёр Павлодарского областного театра драмы и начинающий поэт Олег Афанасьев посвятил чемпионке стихи.

– «Ей нравилось нравиться. Ей было чем нравиться. Ножки одни...» Ой, дальше я забыла! – с лёгкой тенью кокетства вспоминала мама.

В 1996 году я вместе с заслуженным артистом РСФСР Олегом Алексеви-чем Афанасьевым оказался в госпитальных клиниках Томского медуниверситета, приблизительно в одно время мы ходили на иглоукалывание. Врач, проводившая процедуру, пациентов вызывала по фамилии. Услышав фамилию Барчук, мой сосед по очереди, сильно располневший бородач, даже вздрогнул, и спросил:

– А Нина Барчук из Павлодара случайно не родственница вам?

Узнав, что это моя мама, легенда томского театра долго тряс мою руку, просил передать привет и что он очень хотел бы встретиться.

Я в точности исполнил его просьбу, но услышал категоричный отказ:

– Не хочу, чтобы он меня видел такой старой!

Спортсменка, комсомолка... Вот только со студенткой сразу не задалось. В приёмной комиссии Свердловского юридического института не прошедшей по конкурсу абитуриентке Барчук вернули документы со словами:

– Шла бы ты, деточка, в педагогический!

Лучшей мотивации для неё и придумать было нельзя. Стиснув зубы, чемпионка пошла зарабатывать трудовой стаж на стройку. Вполсилы она ничего делать не могла, поэтому и штукатуром-маляром стала высшего, шестого разряда.

Через два года Нина Барчук поступила на заочное отделение юридического факультета Томского университета. И вышла замуж.

С моим будущим отцом Виктором Матиенко она познакомилась на лыжне – выступали за одну команду. Он был старше её на пять лет, отслужил в армии. И хотя рекордов не устанавливал, но тренировался добросовестно, ответственно. Намеревался посвятить жизнь спорту, хотел стать тренером и готовился к поступлению в педагогический институт. Каждую субботу он угощал всю команду вкусными пирожками, которые стряпала его мама. Он умел подбирать по погоде мазь для лыж, увлекался фотографией и снимал лыжников для истории. Благодаря увлечению отца у меня сохранилось много детских фотокарточек.

Вот мама с отцом вместе на сборах в Медео под Алма-Атой, а вот – в закарпатском Мукачево. А это уже из свадебного путешествия в Москву и Ленинград, молодожёнов здесь фотографировал отцов старший брат дядя Саша. Перед выходом на Красную площадь мама надела новые туфли, на разводе почётного караула возле Мавзолея Ленина она постоянно крутилась из-за дискомфорта в ногах. Потом в туалете возле Кремлёвской стены дядя Саша намочил тесную обувь, она размякла. К маме сразу вернулась былая уверенность, и она звонко щёлкнула каблук по мостовой. Да так азартно, что проходивший мимо лейтенант засмотрелся и, набравшись смелости, спросил:

– Скажите, а вы – артистка?

– Баран с целины! – грубо ответил из-за её спины дядя Саша и потянул невестку к поджидавшему на тротуаре супругу.

Мама, конечно, обиделась, но быстро простила деверя. Дядю Сашу из отцовской родни она уважала больше всех, на тот момент он единственный из Матиенок получил высшее образование. Работал инженером-энергетиком на Павлодарской ТЭЦ. Заботливый отец двоих сыновей – Игоря и Олега. Его жена Лидия Афанасьевна Данькова работала завучем в школе. В первый класс я пойду в школу, где директором будет моя тётя.

Ещё у отца был брат, дядя Толя, и сестра, тётя Лида. Чтобы не путать двух тётёв Лид, я стал называть жену дяди Саши тётёй Лидой-большой, а отцову сестру – тётёй Лидой-маленькой. И бабушки обе у меня были Марии. Отцова мама у меня стала бабой Машей, а мамина – бабой Мусей.

Всех четверых детей воспитывала и поднимала на ноги одна баба Маша. Безотцовщин в послевоенное время было очень много, а про деда говорить в отцовой семье было не принято. Я спрашивал о нём и бабушку, и маму, но в

ответ получал молчание. А если продолжал допытываться, то и отпор: «Тебе об этом лучше не знать». Молчаливое поколение умело держать язык за зубами.

Мамина мама раскусила зятя сразу после свадьбы и, удручённо покачав головой, сказала:

– Ох и долгим же тебе, Нина, век с ним покажется!

С максимализмом молодости мама тогда отмахнулась, мол, каждый человек – сам кузнец своего счастья...

Порядки в доме свекрови были совсем не те, что в родительской семье. Если дежурным блюдом бабы Муси были щи, то у бабы Маши – борщ. Мамина мама никогда суп без мяса не варила, а свекровь – лишь по праздникам. Она заранее подбирала в птичнике курицу, которая плохо неслась, сама рубила ей голову на окровавленном чурбане, сама же и ошпывала. Но борщ у неё был всегда густой, красный, со шкварками. Вначале она вытапливала сало на сковороде, потом обжаривала в нём мелко нарезанный лук до карамельного цвета, затем свёклу и морковь, а в завершение в сковороду отправлялась и залитая поварёшкой кипятка капуста для тушения. Картошка варилась отдельно в кастрюле. Пустой картофельный суп принимал тушёные овощи только в конце варки, а потом готовый борщ настаивался на печи.

Дед Яков субпродукты не признавал вообще, исключение делал только для говяжьей печени, которую бабушка готовила со сметаной. А баба Маша жарила в основном лёгкое, оно стоило вдвое дешевле. Иногда в сковороду добавляла немного печёнки. Тарелки на стол ставили только для гостей, в семейном кругу ели из общей посуды. Помню, маленький я старался отыскать на большой чугунной сковороде твёрдые кусочки печени, лёгкое плохо пережёвывалось и было невкусным.

Но в качестве начинки для пирожков, перемолотое на мясорубке, обжаренное с луком и вперемешку с рисом, оно было ничего. Ещё у бабы Маши вкусными получались пирожки с требухой. Современная молодёжь даже слова такого уже не знает. Требуха, или рубец – желудок домашнего животного, в основном коровы. Его надо долго варить, потом обжарить с луком, перекрутить на мясорубке. В общем, мороки с такой начинкой много, но пирожки с ней вкусные.

Даже капусту бабушки солили по-разному. Баба Муся – крупными кусками по четверть вилка и со свёклой, а баба Маша – мелко шинкованную, с помидорами.

– Она без колбасы жить не может, – жаловалась свекровь соседкам на новую сноху.

В её доме покупали только дешёвую ливерную колбасу, куски которой бабушка обжаривала с луком, как и требуху. По праздникам – зельц. Но с колбасой бабушка, конечно, переборщила... А вот без чего моя мама действительно жить не могла – это книги.

Отец её не понимал. Чтение художественной литературы он считал блажью, а покупку книг – расточительством. Ведь можно сходить в библиотеку, там книги выдают бесплатно.

– А если тебе захочется перечитать любимое произведение?

В ответ он только пожимал плечами, у него такого желания никогда не воз-

никало. Увидев на полке новую книгу, по праву главы семьи он выговаривал жене за очередное мотовство. Мама вначале пробовала отстаивать свою правоту, но, осознав тщетность усилий, стала просто врать: «Ты забыл, она всегда здесь стояла!».

Тогда все жили одинаково бедно. В чём-то семья Матиенко даже обходила Барчуков, у них был свой дом на «втором Павлодаре». Это был район частной застройки, делился на линии. Моё младенчество прошло на третьей линии, позже получившей название улицы Ленинградской. Дом построил дядя Саша. Потом он получил благоустроенную квартиру, дядя Толя тоже женился и съехал, а тётя Лида-маленькая уехала учиться в Семипалатинск, в мединститут.

Помню, сразу против входа была большая проходная комната – зал, за ним – маленькая спальня родителей. А бабушка жила в другом конце дома, рядом с кухней. Межкомнатных дверей не было, стенные проёмы закрывали тяжёлые бархатные портьеры, как в театре.

В комнате бабушки всегда пахло скипидаром и лампадным маслом. Она была очень набожной, в красном углу её светёлки висел целый иконостас. Перед иконой Спасителя часто горела лампадка.

Став школьником, я пробовал вести с бабушкой атеистические беседы, но всегда наткнулся на дремучее непонимание материалистического устройства мира.

– Святотатство, что люди в Бога перестали верить, – отвечала мне она. – Значит, скоро конец света. На Страшном суде с каждого спросится. А ты, Дима, – вообще нехристь, и в рай никогда не попадёшь. А всё потому, что твоя мама запретила тебя крестить.

Баба Маша немного ошибалась, этот запрет нарушила мамина мама. Когда студентка университета уехала на сессию, баба Муся тайно сносила меня в церковь и окрестила. Об этом я узнал уже после маминой смерти от тёти Раи, когда поехал на родину. А в 1992-м, вернувшись из очередной «горячей точки» живым, я окрестился сам, в тридцать лет. Выходит – повторно.

– Бабушка, а когда будет конец света?

– Уже скоро. В откровениях святых старцев сказано, что перед Апокалипсисом мир окутает паутина.

– Ну и где она? Я её не вижу.

– А это что? – бабушка показывала пальцем на электрические провода за забором...

Что бы сказала баба Маша сейчас про Интернет? Искусственный интеллект? ЛГБТ?

Впрочем, она и тогда нисколько не сомневалась, что доживает свой век в одном из последних эпизодов Апокалипсиса. А скончалась она в 1989 году.

Огород в отцовской семье был раза в два, а то и в три больше, чем у маминых родителей. По урожайности вообще не сравнить, просто ВДНХ! Излишки зелени и овощей бабушка продавала возле продуктового магазина. Это был её единственный источник дохода, ведь пенсию от государства она не получала.

На «втором Павлодаре» постовые милиционеры на старушечью торговлю смотрели сквозь пальцы, а на вокзале частников гоняли, выписывали им небольшие штрафы. Зато у вокзала покупателей было больше.

Однажды ранним летом бабушка продавала редиску и зелень у вокзала, а я караулил ведра с урожаем. Вдруг из-за угла появляется милиционер и громко свистит в свой свисток. Прямо как в кино, когда гонятся за ворами! Бабушка хватается ведро с редиской (оно тяжелее), мне впихивает в руку ведёрко с луком и укропом и бежит со всех ног, свободной рукой поддерживая подол юбки, чтоб не запнуться. Я за ней не поспеваю, кричу: «Подожди!». Оторвавшись от блюстителя порядка на безопасное расстояние, она наконец останавливается...

Одевалась баба Маша всегда по-старушечьи: летом – в полинявшие блузки, длинные юбки, бесформенные, до пола, платья, а зимой – в старые кофты и телогрейки. Волосы часто туго затягивала платком. Она была на восемнадцать лет старше бабы Муси, и мне, пацану, казалась такой старой!..

Мне не было и четырёх лет, когда в Павлодар пришло телевидение. Оказалось, что мультфильмы можно смотреть не только в кинотеатре, но и дома. Пусть маленький экран и чёрно-белое изображение, зато можно сидеть на диване рядом с бабушкой! В кинотеатр она никогда не ходила.

Вначале вещание велось два раза в неделю: в воскресенье – с четырёх часов дня, а в один из будних дней (кажется, четверг) – вечером. Потом стало чаще. У обеих бабушек телевизоры появились практически одновременно – маленькие, чёрно-белые. У бабы Маши – «Рассвет», а у бабы Муси – «Рекорд». Для увеличения цветовой гаммы в магазинах продавались специальные наклейки на экран. Только у деда такая наклейка прослужила недолго, он в сердцах сорвал её, заявив, что от неё сплошной обман и затемнение.

На Ленинградской улице телевизор смотрели только члены семьи, а на Фрунзе на просмотр художественных фильмов к Барчукам приходили все соседи. Помнится, однажды соседка баба Люба привела на «Щит и меч» свою знакомую – странную даму в шляпке с вуалью, с зонтиком от солнца и в ботинках на шнуровке. На улице я встречал её много раз, она сильно напоминала Старуху Шапокляк. Это была Анастасия Цветаева.

Правда, тётя Рая говорит, что Анастасия «к нам не ходила, она дружила с Ленкой Павшиной», жившей с бабой Любой в одном дворе, где, вдобавок, была ещё земэкспедиция (а адрес на все строения один: улица Фрунзе, 178). Но после школы тётя Рая уехала учиться в Целиноград (нынешнюю Астану), а сестра Марины Цветаевой приезжала в Павлодар к сыну вплоть до 1972 года. Поэтому, наверное, прав я.

РАЗВОД И МАМИНА ФАМИЛИЯ

Мы съехали от бабушки, когда мама получила однокомнатную благоустроенную квартиру. Она закончила университет и её сразу взяли на работу в Павлодарский областной арбитражный суд. Судья в двадцать шесть лет!

На лидерство в семье отец потерял даже формальное право. Ему – уже за тридцать, а высшего образования нет, учёбу на заочном отделении факультета физвоспитания Омского педагогического института он затягивал, сколько

мог. Раньше все контрольные и курсовые за него делала мама, а теперь у неё самой – работы выше головы.

Правда, когда судье выделили дачный участок, физрук получил возможность реализовать свой потенциал хозяина и добытчика. Физический труд на земле – это было стопроцентно его занятие. Он был настоящим фанатом земледелия и дачный домик построил быстро, своими руками. Причём монолитный, какие тогда мало кто делал.

Постепенно мои родители разошлись по разным мирам. У мамы – хозяйственные споры на миллионы рублей, общественный статус, карьера, у отца – дача, тренировки и незащищённый диплом. Она больше не спускала ему обвинений в расточительстве, а, наоборот, сама предъявляла ответные претензии в его скаредности и необразованности. Конечно, словесные перепалки происходили на повышенных тонах.

«Погода в доме» испортилась окончательно. И, наверное, первой жертвой этого семейного ненастья стал я. Я начал резко полнеть, за зиму из нормального пацана превратился в настоящего «мальчиша-плохиша». Отцова сестра, тётя Лида-маленькая, только закончила ординатуру по направлению «эндокринология», и её первым VIP-пациентом стал родной племянник. Анализ крови на сахар показал двукратное превышение нормы. По медицинским требованиям того времени мне незамедлительно должны были начать делать инъекции инсулина, но тётя Лида не позволила. Дополнительное обследование показало, что мой диабет развивается пока в скрытой форме. Критичные показатели сахара в крови проявляются только под нагрузкой – после выпитого стакана глюкозы, но к норме не приходят долго. Нарушенный обмен веществ выражался пока лишь в быстром наборе лишнего веса, но это – пограничная стадия. Из скрытой формы диабет мог легко перейти в открытую.

– Димку надо срочно везти в Москву, – посоветовала золовка снохе. – Только столичные эндокринологи могут ему помочь.

В конце шестидесятых эндокринологическое отделение Третьей Центральной клинической больницы Министерства путей сообщения считалось одним из лучших в стране лечебных заведений такого типа. Чтобы меня туда приняли, маме пришлось оставить должность арбитражного судьи и устроиться юрисконсультантом в управление «Павлодарстройпуть» – его работники и члены их семей имели право на лечение в железнодорожных больницах.

Моя первая госпитализация длилась два месяца. Маме не хватило отпуска, пришлось возвращаться в Павлодар на работу, оставив меня одного в столице. При выписке лечащий врач Алла Николаевна её ошарашила:

– Строжайшая диета. Ни сладкого, ни мучного, ни жирного. И каждые полгода – плановая госпитализация к нам. Случай трудный. Но мы попробуем подобрать безинсулиновую терапию. И учтите, мамаша, никакого потакания слабостям вашего ребёнка! Любой кусок торта, даже по праздникам, для мальчика может быть фатальным!

Моим любимым блюдом были вареники с сырой картошкой – из бабы-Машиной рецептуры. Картофель и лук нарезают ножом мелко-мелко, солят, перемешивают, а потом залепают в раскатанное домашнее тесто. Малюсенькие картофельные квадратики внутри вареника не развариваются, а, пропи-

тавшись луковым соком, приобретают удивительный вкус. Сваренное тесто, к которому совсем не прилипла начинка, сохраняет теплоту замешавших его человеческих рук.

Это на самом деле высокая кухня, из самых простых ингредиентов. Не так давно тётя Лида и её дочь Алёнка принимали участие в виртуальном кулинарном конкурсе в Омске. Единодушным решением жюри и зрителей их ролик, размещённый на You Tube, занял первое место.

Вот какого удовольствия мне пришлось лишиться в шесть лет. А ещё – замечательных бабушкиных пирожков, конфет, пирожных, тортов, булочек и даже белого хлеба. Только чёрный, по ломтику в день за обедом. Иногда в минуту душевной слабости я просил маму испечь пирожков или блинов, как это делала бабушка, и получал категорический отказ: не умею! Всей родне – бабушкам и тётушкам – мамой было наказано строго-настрога: Димку запрещёнными продуктами не соблазнять и диету не нарушать.

Я был первым диабетиком в семье. Потом сахарный диабет диагностировали у бабы Муси, у мамы и обеих маминых сестёр. Болезнь во многом предопределила ранний уход бабушки и тёти Саши. Тётю Раю удерживает на плаву её старший сын Руслан, врач от бога. Она уже давно на инсулине, но диету особо не соблюдает. А мама вместе со мной научилась ограничивать себя в еде и до конца дней продержалась на таблетках.

Мои ограничения в питании были только половиной проблемы. Куда серьёзней было другое: где взять деньги на длительные поездки в Москву дважды в год? Зарплата юриста на новом месте – сто тридцать рублей, всего на десятку выше, чем у судьи. А билет на самолёт от Павлодара до Москвы в один конец стоил пятьдесят рублей. На поезде в купейном вагоне – тридцать пять. Плюс оплата гостиницы, лекарства, подарки врачам, передачи в больницу – набегала серьёзная сумма. Отец особым умением зарабатывать деньги не отличался, да, по всей видимости, не особенно-то и хотел.

Уже после развода между родителями состоялся такой разговор.

– Димку надо возить в Москву два раза в год. Давай по-честному: один раз везу я, другой – ты, – предложила мама.

– У меня нет денег.

– Тогда у тебя нет сына.

Отец промолчал. Получив от бывшей жены дачу, он «никаких материальных претензий» к ней не имел. Так и написал в расписке, которую я нашёл в маминых бумагах после её смерти.

Все заботы по добыванию средств легли на её плечи. Она брала подработку, где только могла – на полставки, на четверть... Областная филармония, ремонтно-механический завод, ликёро-водочный – на этих предприятиях она работала юрисконсульт по совместительству годами, а были ещё работодатели краткосрочные и среднесрочные. Однажды кто-то из завистников настучал в партком, что коммунистка Барчук не со всех доходов платит партийные взносы. Маму разбирали на партсобрании, некоторые товарищи, узнав о её «баснословных» заработках, превышавших зарплату начальника управления, требовали даже исключения из рядов КПСС, но, узнав, что деньги нужны на лечение больного ребёнка, ограничились строгим выговором с занесением в личное дело.

Меня приняли кандидатом в члены КПСС в 1988 году. Я уже полгода исполнял обязанности заведующего агропромышленным отделом томской областной партийной газеты «Красное знамя», не коммуниста на эту должность обком бы не утвердил. Одновременно мы с друзьями издавали первую в Томске кооперативную газету «ВАМ!». Тогда-то мама и поведала мне о своём строгом выговоре с занесением:

– Только партийные взносы со всех заработков плати!

И я платил, и с тысячи, и с полутора тысяч. А главный редактор газеты – с шестисот пятидесяти рублей...

Перед каждой госпитализацией, чтобы хоть как-то подсластить пилюлю горечи перед долгим расставанием, в Москве мама выполняла любое моё желание. Экскурсия на Панораму Бородинской битвы, в Оружейную палату Кремля, на футбол в Лужники...

А каждую выписку из больницы мы праздновали на широкую ногу. Это была мамина идея – отмечать окончание разлуки в ресторане. Благодаря ей я с малолетства узнал многие московские рестораны, названия которых до сих пор на слуху: «Прага», «Метрополь», «Пекин» и другие.

Однажды в ресторане «Минск» на улице Горького (нынешней Тверской) с нами произошёл курьёзный случай. Мне, как кавалеру, мама доверила выбрать блюда из меню. Я ещё не ходил в школу или только пошёл в первый класс, поэтому читал по слогам. А еда была вся какая-то мудрёная: освоив кое-как название, я спрашивал маму, что это такое. Она смущённо улыбалась и кончиком туфли придавливала мою ногу под столом. Наконец не выдержала и напрямую спросила у официанта с бабочкой:

– А котлеты у вас есть?

– Есть бифштекс и котлеты по-киевски.

– Несите и то, и другое!

Когда официант ушёл за заказом, она призналась мне, что сама не знала этих блюд. Больше мне меню не доверяли, зато за мной прочно закрепилось прозвище «Грамотей».

Насытившись престижными заведениями, мы пришли к выводу, что там дорого, чопорно и не так вкусно, как хотелось бы за такие деньги. В итоге остановились на кафе. На Калининском проспекте (Новом Арбате) нам понравились «Ангара», «Валдай» и «Печора». По вечерам туда с детьми не пускали, начиналась музыкальная программа, но мы приходили около 17 часов, и горячее доедали уже под музыку.

Новый Арбат мне нравился ещё и потому, что в кинотеатре «Октябрь» показывали стереоскопические фильмы. Правда, репертуар там был однообразный – два-три фильма. И за время наших паломничеств он практически не менялся. «Таинственного монаха» я смотрел раз пять. Мама в это время ходила по магазинам, на «московском Манхэттене» их было много. Приезжая сюда, мы заранее договаривались, где и во сколько встречаемся, а потом расходились по своим делам: она – на шопинг, я – в кино.

Однажды в салоне красоты «Чародейка» мне сделали модную причёску, чего стоило одно только многоцветное мытьё головы между стрижками и укладкой. Посмотревшись в зеркало в конце всех манипуляций парикмахер-

ши, я не узнал себя. На меня глядел мальчик из аристократической английской семьи. Мама была счастлива, что у неё такой красивый сын, правда, стоило это удовольствие три рубля шестьдесят две копейки. Когда дед узнал о цене детской стрижки, его чуть удар не хватил – столько стоила тогда бутылка водки.

Иногда мы устраивали маленькие праздники и дома. Мама готовила что-нибудь вкусное, но не очень калорийное. Из-за меня она даже казахский бешбармак варила не с традиционной лапшой, а с картошкой. Мы накрывали красивый стол, и мама театрально спрашивала меня:

– Кто самые дорогие гости в этом доме?

И я громко отвечал:

– Мы!

Отец женился во второй раз, когда мне было десять лет. Вскоре в новой семье появилась дочь Татьяна, моя родная сестра по отцу.

А в тринадцать лет я сменил фамилию. Свидетельство о восьмилетнем образовании получил Дима Матиенко, а в девятый класс пришёл Дмитрий Барчук.

– Жалко, что отчества Нинович нет, – сетовала мама.

Она никогда не запрещала мне встречаться с отцом, а навестить бабу Машу даже напоминала. Когда в Москве мы покупали подарки для родных, мама никогда не забывала о бывшей свекрови.

Отец был законопослушным гражданином, на моё содержание платил алименты с основного места работы – 36 рублей в месяц из года в год. Мама знала о его приработках, но на долю с них никогда не покушалась.

Во многих советских семьях главой была жена: вела домашнее хозяйство, отвечала за семейный бюджет. А муж отдавал ей зарплату, получая по рублю в день на обед. Во втором браке Виктор Матиенко смирился с зависимым положением. Однако Анна Григорьевна, так звали его новую жену, своим доминированием не злоупотребляла. И, сдаётся мне, что именно она напоминала отцу, что надо бы встретиться с сыном. Например, свозить меня на рыбалку – мальчишки надолго такое запоминают, – или подарить мне на шестнадцатилетие электрическую бритву. Знаковый подарок на вступление во взрослую жизнь. Только я уже привык бриться станком – электробритва сильно раздражала кожу.

Дети остро чувствуют взрослую фальшь, когда не от сердца, а по долгу. Отец неоднократно, словно оправдываясь, говорил мне заученную фразу:

– Вырастешь – поймёшь.

Вырос. Даже постарел. Но всё равно не понял. Почему расстанутся мужчина и женщина – тут всё ясно. Но почему отец, оставляя собственного сына, теряет с ним связь, не борется за него, охладевает к нему – этого я не понял и не пойму никогда... И сейчас, по истечении многих лет, даже благодарен отцу за этот горький урок.

Ещё тогда, в отрочестве, я дал себе слово: что бы ни случилось в моей семье – детей своих не брошу. Я дважды был женат, и оба раза закончились разводом, и в каждом браке был сын. Мне пришлось пережить драму отцовства в

двойном размере. Иногда казалось, что связь с сыном потеряна навсегда, но память об ошибке моего отца придавала новые силы для борьбы.

Сейчас мои мальчишки уже выросли, старший – сам трижды отец. Но мы все – одна семья. Барчуки. Я вырос и воспитан в традиции и на ценностях маминой семьи, поэтому по праву ношу её фамилию.

Здесь к месту вспомнить ещё одну крылатую фразу дяди Рустэма: «Дед, зачем тебе сыновья? Когда у тебя такие дочери!..». Мой отчим Бядов иногда называл мою маму «мужиком в юбке». Она никогда не была помешана на тряпках, как многие женщины. Ей шли строгие деловые костюмы – жакет-юбка. Особенно мне запомнился один, из тёмно-синего кримплена, его мама надевала, когда выступала в суде. Она не бегала постоянно по парикмахерским, не отращивала длинных ногтей, подстригала их сама. Лучшим подарком для неё была массажная щётка, обычной расчёской её густые волнистые волосы расчёсывались плохо. А массажки в то время были недолговечны, металлические зубчики быстро вылетали из мягкой прорезиненной основы... Она умудрялась зарабатывать больше мужа, а ещё тащить на себе весь дом. Хотя в этом была и его вина. Поэтому, наверное, заслуженно, что именно она, Нина Барчук, дочь, продлила отцовский род.

Владислав Глинка в позапрошлом веке не дал свою фамилию сыну Ивану, с этого начался род Барчуков. Три поколения родились в нём. А в четвёртом Барчуков больше не было – Базиковы, Пастовенские, Матиенко. Но случилось, как случилось. Благодаря силе характера моей мамы на мне род возродился, и сейчас в нём – мужчины в трёх поколениях.

С отцом мои отношения возобновились в 1996 году, когда он приехал в Томск посмотреть на внуков. Он ещё занимался спортом, даже бегал по утрам. Следующей весной я нанёс ему ответный визит. Анна Григорьевна накрыла праздничный стол и встретила меня, как родного. Я подарил отцу три улья с пчёлами. Он тогда обзавёлся пасекой, и подарку был очень рад.

В 2002 году, когда я разводился во второй раз и мне было очень плохо, я позвонил отцу, чтобы выговориться, спросить совета, поговорить по душам. Но он ответил мне холодно, дескать, прежде я никогда совета у него не спрашивал и дальше могу продолжать жить по собственному усмотрению.

Через год я привёз в родной город повзрослевшего старшего сына. Мы долго звонили в отцову квартиру, стучали в окна (он жил на первом этаже). Соседи утверждали, что он должен быть дома, у него ведь жена сильно болеет, с постели не встаёт. Наконец он отворил. Нетрезвый.

– Вот, Анна Григорьевна умирает от рака... – не очень послушным языком сказал отец, распахивая дверь в комнату жены.

Бедная женщина, не поднимая головы, извинилась за мужа. Я сам сильно стушевался, пожелал ей выздоровления, и мы ушли.

В 2007-м родитель приехал ко мне на сорокапятилетие. Он сильно сдал, на лице появились старческие пятна. Но тут уже с моей стороны была прохлада. Я встретил его с автобуса, поселил на даче, показал город, свозил в пчеловодческую контору.

На перроне Томского автовокзала, когда отец заходил в павлодарский автобус, я видел его в последний раз.

А род Матиенко продолжил старший сын дядя Саши, Игорь. У него два взрослых внука.

ПРАВНУК МОИСЕЯ

Историю своего второго деда я узнал совсем недавно, уже после смерти мамы. В Павлодаре меня пригласила в гости тётя Неля, вдова дяди Толи, среднего отцова брата. В свои восемьдесят семь лет она выглядела молодцом: поднималась по лестнице на пятый этаж, возделывала огород на дачном участке, ездила в гости к сыну Виталию в Самару, к внучке Кристине в Краснодар. Одна.

Лариса, дочь тёти Нели, работающая медсестрой в центре «Анти-СПИД», с вечера перекрутила на мясорубке говядину со свиной, нажарила домашних котлет, а тётя Неля испекла изумительной вкусноты рыбный пирог. На встречу они позвали и мою родную сестру по отцу Татьяну, тоже медсестру. С ней мы, конечно, были знакомы, несколько раз встречались, но за одним столом не сидели и по душам не разговаривали. От отца у нас осталось общим только отчество – выйдя замуж, Татьяна сменила фамилию Матиенко на мужнюю. Я – ещё раньше.

– Дима, а ты знаешь, что нашего деда звали Илларион Моисеевич, и он, по всей видимости, был евреем? – хитро прищурившись, спросила меня Лариса.

Я даже поперхнулся куском котлеты. На седьмом десятке лет узнать такую генеалогическую особенность – всё равно что прожить чужую жизнь.

Я никогда не был антисемитом, но и юдофилом тоже. Более того, допускал наличие каких-то отдалённых еврейских корней. Как-никак пятая по численности национальность в Российской империи, да и все люди в конечном счёте произошли от Адама. Но мои подозрения касались в основном прабабушки из Кракова Марии Синецкой. От кого-кого, а от Матиенок я такого не ожидал. Когда родители ссорились, мама в сердцах обзывала отца «хохлом», но «жидом» – никогда! А за ней бы не заржавело. Если она на меня сильно обижалась, то фыркала:

– Как ты сейчас на отца похож! Хохлёнок!

Когда я поведал о случившемся двоюродному брату Руслану, чей отец был мусульманином, его первоначальная реакция была посильнее моей:

– Ты обязательно должен сдать тест ДНК на национальность!

Вот ещё! Зачем деньги понапрасну палить, разве от этого что-то изменится? У него по отцу татарско-казахские корни, а у меня пусть будут украинско-еврейские. Хотя, думаю, и русские, и белорусы в отцовом роду присутствовали. Наши матери большей частью русские – Ковалёвы, Неупокоевы, Коршуновы. Но и польская, и белорусско-литовская кровь в них тоже есть. И его маму, и мою иногда принимали за татарок.

– Нина Яковлевна, а что за симпатичная татарочка к вам приходила? – спрашивали маму коллеги по работе.

– Это моя родная сестра – Рая...

Возможно, не зря наши Глинки ведут род от темника Мамаёв?

А вообще, одной национальностью больше, одной меньше... Наш генетический интернационал этого даже не заметит.

Первый – краугольный – камень в наметившемся генеалогическом расследовании мне помогла заложить сестра Татьяна. По ватсапу она прислала скан реабилитационного листа Павлодарской областной прокуратуры на Матиенко Илиариана Моисеевича, 1900 года рождения, уроженца села Сары Аодинского уезда Полтавской губернии, осуждённого Особым совещанием НКВД по статье 58 п. 10 УК РСФСР 26 июня 1929 года.

Так вот почему взрослые не хотели рассказывать мне в детстве про деда! Страшная 58-я статья, клеймившая врагов народов... А наказание-то всего – три года ссылки? И почему он – Илиариан, а не Илларион? Почему «русский» с малоросской фамилией и таким странным отчеством?

Вернувшись домой, я первым делом позвонил двоюродной сестре Алёнке в Омск, дочери тёти Лиды-маленькой, дольше всех внуков жившей с бабушкой и присутствовавшей при её кончине в 1989 году.

– Его отца назвали Моисеем по Святым. А по отчеству он – Кириллович. О судимости нашего деда рассказ будет долгим, не для телефона. В начале августа у меня отпуск, я к тебе приеду. Тогда и поговорим, – пообещала сестра.

Ждать информацию и сидеть без дела в эпоху Интернета – терять время. Я начал собственное расследование. Запрос о деде «оккупанта» в Саровском сельсовете Гадячского района Полтавской области Украины ожидаемо остался без ответа. Отыскав село Сары на карте, я порадовался близостью к нему Миргорода – каких-то пятьдесят километров. Это же гоголевские места! Миргород, Диканька – сами названия звучат, как песня. Только Сары немного севернее, ближе к Сумской области. Практически на границе черты оседлости, только с украинской стороны, где в Российской империи до Первой мировой проживало девяносто процентов евреев.

Нагруженный новой информацией, я стал заново пересматривать фотографии отцовской родни. И в близких с детства людях без особого труда находил семитские черты лица. Или надумал?

Баба Маша и дед Илиариан познакомились в селе Алексеевка, в Кулундинской степи. После развала СССР оно тоже оказалось на границе России и Казахстана, с казахстанской стороны. Его основали переселенцы из западных губерний империи, в основном Могилёвской и Полтавской, в первом десятилетии XX века. Вначале село называлось Великокняжеское – в честь наследника престола великого князя царевича Алексея, родившегося в 1904 году. Но с установлением Советской власти его переименовали в просто Алексеевку. По всей видимости, с учётом этимологии названия близлежащего города Павлодара: после рождения у царя Александра II сына Павла уездный городок Коряков был переименован в Павлодар. А в честь какого-такого Павла – об этом советская историография не распространялась...

Кузьма Онищенко переехал в Алексеевку из-под Могилёва, но его родным языком был не белорусский, а украинский. Вернее, малоросский крестьянский суржик, сильно отличавшийся от литературного языка Тараса Шевченко и Леси Украинки. Он был истинно верноподданным земли-матушки. Она да

тяжёлый труд кормили его семью, учиться грамоте было некогда. Онищенко жили по библейским заповедям, считая, что от наук – только грех и смута. И своих детей Кузьма, как мог, уберегал от просветительской заразы – лучше молиться, а не учиться. Умер он вместе с женой и двумя старшими детьми от тифа в 1919-м, баба Маша с братом и сестрёнкой на руках осталась в семье за главную.

Ещё дошколёнком я был в Алексеевке в гостях у бабушкиного младшего брата, взрослые его называли дядей Петей. Дедом он мне стать не успел, после развода родителей я поддерживал контакты только с близким кругом отцовской родни. Но до сих пор помню вкус алексеевской вишни, сочной и сладкой. Всю неделю, что там гостил, я питался исключительно вишней, домашним молоком и свежеиспечённым деревенским хлебом...

Но вот и Алёнка приехала из Омска, на машине, с мужем и сыном. Правда, теперь она не Алёнка, а Елена Юрьевна Фалина, солидная дама, учительница математики. Её домочадцы устали с дороги и давно уже заснули, а мы далеко за полночь всё сидели у тлеющего камина, и я наконец-то узнал так долго утаивавшуюся от меня историю.

– Моисей Матиенко тоже прибыл в Алексеевку по столыпинской реформе, одним из первых переселенцев из Полтавской губернии, – рассказывала Алёнка. – Своему сыну – нашему деду – он сумел дать хорошее по тем временам образование. Бабушка говорила, что он чуть ли не в гимназии учился...

От себя замечу: это маловероятно – ближайшая гимназия тогда располагалась в Барнауле, за четыреста вёрст. Скорее всего, дед учился в Павлодаре, до которого было вчетверо ближе. Видимо, в Высшем начальном училище, затем – в реальном, но диплом об окончании последнего не получил, потому что в графе «образование» его уголовного дела указано – «начальное».

– ...Советскую власть дед принял сразу, и даже вступил в партию большевиков. В созданном колхозе он работал вначале счетоводом, а потом – чуть ли не председателем. Полюбил нашу бабушку. Жених ей понравился, но без венчания она отказалась за него идти, и они обвенчались в церкви. Деда арестовали прямо на свадьбе. Первую брачную ночь бабушка просидела одна в мужнем доме, не зная, что делать дальше: оставаться или домой возвращаться? Наутро деда выпустили, но из партии потом исключили...

Для усиления драматизма напрашивается чисто литературный сюжетный ход: ради любви герой жертвует не только партийным билетом, но даже верой предков... Увы, всё было не так. Хотя в жилах моего деда и текла, по всей видимости, еврейская кровь, она уже была разбавлена русской или малоросской, и ему не пришлось принимать православие. Это сделали до него родители или деды. Ведь в Империи лица иудейского вероисповедания просто так не могли выехать за черту оседлости, даже в Сибирь. Илиариан – имя церковное, греческое, но на старославянский манер. Моисей назвал так своего сына, явно будучи православным христианином. Это уже потом в советских загсах его внуки будут записаны под благородным, под фельдмаршала Кутузова, отчеством – Илларионовичи.

– ...Потом деда сняли с работы и даже осудили. Три года ссылки по 58-й статье он получил за одно только венчание в церкви. Хотя оставался идейным

коммунистом, толковым бухгалтером, досконально знал сельское хозяйство и был талантливым рационализатором. Придумал простую, но очень эффективную зернодробилку, это изобретение помогало семье выжить в дальнейших скитаниях...

Матиенко – главу семейства, жену Марию и годовалого сына Сашу – сослали в Балхаш на медеплавильное производство. Там дед основательно подорвал своё здоровье, угробил желудок, и у него начались первые расстройства психики.

После ссылки Матиенки перебрались в село Ново-Называевка на западе Омской области, уже вчетвером, вместе с родившимся в Балхаше вторым сыном Толей.

В Сибири начинается стабильная жизнь. Дед работает в колхозе бухгалтером, изобретает разные полезные приспособления к технике. У начальства он – на хорошем счету, как образцовому совслужащему профком выделяет ему путёвки на лечение в санатории. Бабушка сохранил его фотографии с курортов: Кавказские Минеральные воды, Сочи... На фоне гор и пальм, в широком полотняном костюме, с маленькими подстриженными усиками, как у Гитлера. Меня маленького всегда интересовало, зачем он такие носил. А бабушка отвечала: ему так нравилось.

В Называевке в 1936 году родился мой отец. Осуждённый по статье «врагов народа», Илиариан Моисеевич спокойно пережил разгул политических репрессий 1937–1938 годов, а когда им вновь заинтересовались органы внутренних дел, решил уехать от греха. Подался в Киргизию, в Талас (бывшую Дмитриевку), основанный в конце XIX века переселенцами из России. За две с лишним тысячи километров на юг, как от Москвы до Стамбула. Там в 1940 году родилась тётя Лида-маленькая, Алёнкина мама.

На фронт деда не взяли, не прошёл медкомиссию. Но в 1943 году он настоял, что должен сражаться с фашистами, и ушёл добровольцем. Только повоевать ему не удалось: ещё в учебном центре у него начались сильные галлюцинации.

Из психиатрической лечебницы откуда-то из Европейской России бабушке пришло письмо, где говорилось, что она может забрать мужа домой, так как сам он уже не доберётся. Но на кого ей было оставить малолетнюю ораву в незнакомом городе? И она не поехала. А потом пришла похоронка. Даже место захоронения Илиариана Матиенко для семьи осталось неизвестным.

Тяжело было Марии Кузьминичне одной поднимать четверых детей. Спасала корова. Как единоличницу, местная власть обязала бабушку сдавать по десять килограммов сливочного масла в месяц. Её дети молока не пили, им доставался только обрат.

Когда война закончилась, за ней в Талас приехал вернувшийся с фронта брат, дядя Петя, перевёз её с детьми обратно в Алексеевку. Потом его самого арестовали по пресловутой 58-й. А первая его отсидка была ещё перед войной...

– В Алексеевке в колхоз бабушку не приняли, – продолжала свой полудневный рассказ Алёнка. – Единоличникам запрещалось заготавливать сено на колхозных лугах, но подбирать оставшуюся на земле после укладки стогов траву они могли. Однажды твой отец и моя мама пошли с мешком подбирать

сено, но на скошенном лугу его оказалось совсем мало, и, чтобы заполнить мешок, они взяли часть со стога. В селе их остановил бригадир, спросил, откуда сено. Дети сознались, что одна охапка со стога. Разразился большой скандал. Бабушку оштрафовали на большую сумму, а могли и посадить.

Труд, только труд, простой физический труд до седьмого пота, до изнеможения может помочь выжить, а от грамоты – одно сплошное зло! К таким выводам привёл Марию Кузьминичну собственный горький опыт, так и детей своих воспитывала.

– Только дяде Саше повезло. Он помнил отца, его уроки, и что бывает другая жизнь! – завершила дедову историю моя двоюродная сестра.

Трудно было с ней не согласиться. И я очень пожалел, что не знал своего второго деда. Мы бы наверняка нашли с ним общий язык. И моя мама тоже.

БЬЮТСЯ МЕЧТЫ О СБЫВАЕМОСТЬ

Мама старалась воспитать во мне отцовского антипода, порой даже чересчур. Работа на даче? Никогда, лучше на рынке всё купим! Спорт? Книги – гораздо полезнее, чем физическое утробление. Шахматы – другое дело, это гимнастика для ума.

В нашем дворе построили хоккейную коробку – летом пацаны играли на ней в футбол, а зимой заливали каток. Футболист из меня был плохой: бегать быстро не умел, и ворота большие – до штанг не допрыгивал. Зато хоккейный вратарь – это для меня. Мои внушительные объёмы в маленьких хоккейных воротах перекрывали много пространства, а быстрая реакция и отсутствие страха перед летящей шайбой часто позволяли сохранить их «сухими» до конца игры. Наша дворовая хоккейная команда даже преодолела отбор на городской турнир «Золотая шайба», но выступить на большом льду мне не довелось. На тренировке получил серьёзную травму, пришлось сознаться маме, что играл в хоккей. Мне показали на книжный стеллаж:

– Вот твои самые верные друзья.

«Книги – самые молчаливые и самые верные друзья; они – самые доступные и мудрые советники, и они самые терпеливые учителя». Этот афоризм американского педагога Чарльза Уильяма Элиота, произнесённый мамой в усечённом виде, но в нужный момент, во многом предопределил всю мою дальнейшую жизнь.

В моей комнате всегда стояли книги, после ухода отца их количество стало быстро расти. В какой-то библиотеке мама подсмотрела устройство стеллажей. Обыкновенные водопроводные трубы обрезались на длину чуть ниже высоты потолка, на торцы нарезалась резьба, а на неё навинчивались служившие распорками железные конусы: низ – в пол, верх – в потолок. Потом такие стойки соединялись попарно в лесенки с помощью маленьких трубочек – через разные отрезки, под книги разного формата. А между лесенками укладывались нарезанные из досок полки. Первый наш стеллаж состоял из трёх рядов полок, затем – из пяти, и, наконец, на всю длину стены, где у обычных жителей хрущёвок располагалась «стенка».

Когда книг было ещё сравнительно немного, пустоты на полках мама заполняла цветочными горшками, а поливать цветы поручала мне. Мужики для таких деликатных дел – народ мало приспособленный, а пацаны – тем более. Я воды не жалел, и она часто переливалась через края горшков, подтапливая книги. Когда мама увидела последствия моего усердия, её чуть удар не хватил. Она раздала все свои комнатные растения и больше никогда их не заводила.

В те времена книги были дефицитом. Приобрести хорошую книгу, а тем более собрать библиотеку можно было или по благу, или через букинистический магазин – втридорога. Собрания сочинений известных авторов часто издавались как приложения к подписным журналам, особенно популярной была Библиотека журнала «Огонёк». Её даже разыгрывали в трудовых коллективах по лотерее.

Жюль Верн, Фенимор Купер, Александр Дюма, Джек Лондон, Герберт Уэллс – тома этих писателей я перечитывал по несколько раз. А за компанию со мной их перечитывала и мама. Потом появились новые фавориты: Бальзак, Мопассан, Драйзер, Хемингуэй... Мы часто обсуждали с мамой прочитанные книги.

Однажды вечером, когда мы возвращались от бабушки с дедом, мама призналась мне, что ей очень нравится подглядывать в чужие окна:

– Представляешь, сын, за каждым окном – своя жизнь, особенный и неповторимый мир. Иногда схвачу краем глаза устройство чужого быта и начинаю выдумывать историю этих совсем незнакомых мне людей. Чем занимаются, какие книги читают и какие фильмы смотрят, кто у них дети и родители... Правда же интересно? Если бы я была писательница, то писала бы такие житейские истории.

– Ну и пиши, мама. Ты так об этом интересно рассказываешь! У тебя точно получится.

Мама посмотрела на меня и грустно улыбнулась:

– Пушкину и Толстому не нужно было каждый день думать о хлебе насущном. Они были дворянами, обеспеченными людьми, за них работали их крестьяне. А твоей маме, Дима, надо деньги зарабатывать. Из нас двоих писателем, скорее, станешь ты.

В 1998 году, когда случился первый экономический кризис в современной России, у компании, где я тогда работал, не стало заказов. Чтобы не сойти с ума от безделья и утраченных возможностей, я каждое утро, как на работу, уезжал из дома к маме и писал у неё свой первый роман. Однажды в это время за чем-то я понадобился университетской одногруппнице, в офисе ей дали мамин телефон. Мама сняла трубку и, выяснив, кто это, по секрету, с придыханием и гордостью, выложила:

– Дима пишет! Он вам позже перезвонит...

Она всегда верила в меня и очень гордилась, что её сын стал писателем. В трудное время безденежья мама оплачивала издание моих книг из своих скромных сбережений.

Когда у меня случается бессонница, я перебираюсь на диван в библиотеку. И там среди старых добрых друзей, книг, собранных в основном мамой, бы-

стро засыпаю. В моём доме нет домашних растений, только животные. Сибирский кот и немецкая овчарка.

В седьмом классе я очень захотел собаку, и не какую-нибудь болонку, а настоящую немецкую овчарку. Но мама была непреклонна.

– Только через мой труп, – категорически сказала она. – Я лучше сама стану злой, как собака, но никакой живности в квартире не будет.

Я не унимался – упрямством ведь весь в неё. За собаку обещал что угодно, хоть золотые горы. И тут меня поймали на слове.

– Хорошо, – согласилась мама. – Станешь отличником – куплю тебе щенка.

Нашу устную договорённость она оформила на бумаге в виде договора, который сама и подготовила. Высокие договаривающиеся стороны скрепили документ своими подписями. На тот момент мамыны риски были минимальны, так как за предыдущую четверть в моём табеле стояло всего три пятёрки – по алгебре, литературе и географии. Остальное – четвёрки и тройки.

Благодаря мудрой маминной мотивации я научился главному – достигать поставленных целей. И выработал для этого собственный алгоритм. Вначале сложное надо сделать простым, труднодостижимую цель разделить на выполнение ряда простых задач.

Выглядело это примерно так. На старте последней четверти я внезапно схватил двойку по любимой истории – казалось, всё пропало, собаки мне не видать, как собственных ушей. Но, успокоившись и взяв себя в руки, я составил детальный план. Первая пятёрка следом за двойкой даст в сумме семь, что равносильно тройке и четвёрке. Следующая пятёрка превратит мои оценки в три четвёрки. А исправить «хорошо» на «отлично» – делать нечего, надо только, чтобы пятёрок было больше, чем четвёрок. Таким образом, моя начальная двойка превращалась в отличную оценку за четверть после шести, но лучше семи (с запасом) пятёрок.

Внезапное преображение разгильдяя в успешного ученика поразило многих учителей, а одноклассников – ещё больше. Неуспевающим я никогда не был, но считал, что гнаться за пятёрками – идти у педагогов на поводу, отрываться от школярского братства. И вот изменил прежнему правилу... Я не зубрил, давал всем списывать домашние задания, а на контрольных по математике успевал решать не только свой вариант, но и задачи из другого варианта – для товарищей. Мой авторитет в классе только вырос, я заслужил почётное прозвище «Профессор».

Признание моих заслуг сверстниками, в особенности девочками, мотивировало на успешную учёбу ещё больше. Я уже не мог позволить себе допустить сбой, это подорвало бы мой авторитет в классе. Получение отличных оценок вошло у меня привычку, стало чем-то само собой разумеющимся, как ходить и дышать.

Мама слово сдержала. За табель с пятёрками я получил от неё сорок рублей, тут же побежал в Клуб служебного собаководства областного ДОСААФ и купил месячного щенка немецкой овчарки. Свою питомицу я назвал Радой – в кинотеатрах шёл фильм «Табор уходит в небо», и мне очень понравилась главная героиня, цыганка Рада.

Маленькое косолапое чудо, мягкое и беззащитное! Она любила справлять нужду на ковёр... А мама отыгрывала случившееся сполна, как истинная последовательница Макаренко и Сухомлинского, стремилась получить максимальный педагогический эффект. Выгул собаки, готовка для неё еды и поддержание чистоты в квартире целиком и полностью легли на мои плечи. В случае невыполнения хотя бы одного из этих обязательств или ухудшения успеваемости щенок должен был вернуться в Клуб служебного собаководства, чтобы ему подобрали более достойного хозяина.

Так в тринадцать лет я, по сути, стал отцом. Пусть пока собачьим, но практику получил что надо. Каждое утро – подъём в шесть часов на прогулку. Потом школа, потом дрессировка собаки в клубе, подготовка к урокам на завтра, домашняя уборка и приготовление каши, вечерняя прогулка... И так – каждый день. А когда Радка попала под машину, я полгода выхаживал её после травм, освоив ещё и навыки медбрата.

Но пришло время, и с Радой пришлось расстаться. В моём свидетельстве о восьмилетнем образовании были только отличные оценки, а вот в аттестат зрелости неожиданно вкралась одна четвёрка, по обстоятельствам, от меня не зависящим. В выпускном сочинении у меня неожиданно оказалось две лишние запятых, которых я не ставил. Расследовать случившееся не было времени, поджимали сроки вступительных экзаменов в вуз. Среднего балла аттестата хватило для поступления на отделение журналистики филологического факультета Томского университета по эксперименту, сдав всего два экзамена – по русскому языку и литературе устно и письменно.

Уезжая на учёбу в Томск, я прощался с Радой с тяжёлым сердцем. В Клубе служебного собаководства обещали пристроить её на границу, когда начнётся осенний призыв. Но сантехник, чинивший краны в родительской квартире, предложил маме отвезти собаку на время в деревню, а потом сказал, что она выпрыгнула из кузова по дороге и убежала в степь. Думаю, что соврал – продал её.

В юности любимым литературным героем у мамы был Павка Корчагин из романа Николая Островского «Как закалялась сталь». «Самое дорогое у человека – это жизнь. Она даётся ему один раз, и прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жёг позор за подленькое и мелочное прошлое, чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому главному в мире – борьбе...» Она часто цитировала эту фразу из книги пламенного революционера, когда хотела мотивировать меня. Это было её жизненное кредо.

И своего второго мужа мама выбрала под стать Павлу Корчагину. Владимир Бядов был прямой противоположностью моему отцу. Инженер-строитель железных дорог, в тридцать четыре года он возглавлял строительно-монтажный поезд, дислоцировавшийся на маленькой станции Бозшаколь на границе Павлодарской и Целиноградской областей. За строительство трассы Белорецк – Чишмы в Башкирии его наградили орденом Ленина, в Советском Союзе выше была только Золотая Звезда Героя Социалистического Труда. Мама несколько не сомневалась, что он её обязательно получит.

Воспитанный в номенклатурной семье, он был фанатично предан работе. Отец его во время войны партизанил в белорусских лесах, потом сделал карьеру на партийном поприще. Первый секретарь Могилёвского обкома, затем секретарь ЦК компартии Белоруссии воспитал сына как истинного коммуниста-ленинца – не от мира сего. Свою зарплату Бядов-младший раздавал на запчасти, из собственного кармана поощрял ударников производства, часть высылал в Новосибирск своей первой жене, воспитывавшей его дочь, но отказавшейся разделить с ним тяготы походной жизни. А на оставшиеся деньги, как на стипендию, очень скромно жил в барачном общежитии. Просто книжный герой!

Правда, в быту оказался настоящим тунеядцем. С работы возвращался поздно, уходил рано. Денег не приносил, по дому ничего не делал. Даже ремонты и переезды организовывала мама. Бядов утром уезжал на работу с одной квартиры, а вечером возвращался уже в другую. Чтобы он не транжирил свою зарплату на производственные нужды, мама стала одевать его в кредит. Например, купит ему кожаное пальто с меховой подстёжкой и кредит оформит на него.

Иногда она договаривалась за спиной Бядова с его персональным водителем, чтобы съездить в трансстроевский ОПС за продуктами. Если он узнавал, то закатывал ей настоящие истерики.

– А чем я тебя и Димку кормить буду? В магазинах – шаром покати! – защищалась она.

– Живи, как все! – поучал жену настоящий коммунист.

Из одной крайности мама попала в другую. Антипода моему отцу она, безусловно, нашла, даже чересчур.

Уже студентом я как-то спросил её: счастлива ли она во втором браке? Она задумалась на пару секунд и ответила в порыве:

– Зато Бядова в отличие от твоего отца есть за что уважать!..

Во времена брежневского застоя, когда лозунги о равенстве и справедливости стали прерогативой средств массовой информации и публичных мероприятий, а в повседневной жизни основная масса советских людей выживала, как могла, зачастую по принципу «ты – мне, я – тебе», такие люди, как мой отчим, выглядели пережитками романтической эпохи, белыми воронами.

Однажды в Павлодар приехал с проверкой заместитель министра транспортного строительства СССР, и всех руководителей подразделений после совещания управляющий трестом позвал на праздничный обед в узком кругу. Так Бядов не пошёл.

– А я в рабочее время не пью, – заявил он в присутствии замминистра и уехал в свой СМП.

Сделать карьеру с таким характером ему было очень сложно, и всё же отчиму предложили возглавить трест в Актюбинске. Мама, как декабристка, поехала за ним.

Вся её сознательная жизнь была связана с Павлодаром, здесь она состоялась как личность. Сёстры, друзья, знакомые. Да и сам город за четверть века стал родным, вырос, как я, на её глазах. А в Актюбинске – никого.

Зато в Актюбинске располагалось Управление Западно-Казахстанской

железнодорожной. В СССР было всего 32 таких Управления: Актюбинское занималось всеми железнодорожными перевозками от Оренбургской области до Узбекистана. Главная транспортная магистраль из Европейской России в Среднюю Азию. Прикаспийские нефтяные месторождения, кзыл-ординские урановые рудники, космодром Байконур. Плюс военные перевозки в Афганистан. Ответственность у руководителей служб – огромная, начальнику юридической службы автоматически присваивалось звание генерал-майора.

На этой должности мама проработала восемь лет. Бядов в очередной раз не ужился с местной властью и уехал на Ямал зарабатывать Золотую Звезду Героя. Строительство железнодорожной магистрали Обская – Бованенково в 1986 году было объявлено Всесоюзной ударной комсомольско-молодёжной стройкой.

Годом ранее, уже в Томске, я женился. Вопреки материнской воле. Маме моя избранница категорически не понравилась, она отговаривала меня, как могла. Но мне, что называется, «снесло крышу».

– На развод денег дам! – сказала она, уезжая после свадьбы.

Одиночество в чужом городе и мои семейные неурядицы во многом спровоцировали её инсульт. Три месяца она пролежала парализованная, вначале – в больнице, потом – дома. Заново училась и ходить, и говорить. Ухаживать за ней приезжали тётя Рая из Павлодара и подруга – тётя Жанна Кирнос из Ростова-на-Дону. Говорить отчиму и мне о своём инсульте она им запретила. Дескать, просто приболела, скоро поправится.

Но между нами была особая энергетическая связь. В это же время я сам оказался в общей терапии Томского мединститута с гипертоническим кризом. В 24 года. Впервые в больнице после детских госпитализаций в Москве.

А в 1988 году случился инфаркт у Бядова на Ямале. В пятьдесят лет комсомольско-молодёжная стройка в вечной мерзлоте оказалась ему уже не по силам, отняла много здоровья и нервов. Поставки материалов и оборудования задерживались, перестройка неумолимо приближала страну к коллапсу.

Мама забрала больного мужа в Актюбинск, помогла ему трудоустроиться на относительно спокойную должность. Их солнце постепенно клонилось к закату. Наступало моё время.

К тому моменту я уже руководил самым крупным – агропромышленным – отделом томской областной газеты «Красное знамя», и, если бы не развод и склоки бывшей жены, мог даже сделать карьеру партийного функционера во властных структурах. Отчим же мечтал доживать свой век в Белоруссии или хотя бы в Европейской России. Мама тоже хотела перебраться поближе к теплу. А в Ростове-на-Дону трансстроевским трестом управлял дядя Лёша Кирнос, муж её павлодарской подруги, с трудоустройством родителей проблем бы не возникло. И вот весной 1989-го по дороге на курорт я заехал в редакцию ростовской областной газеты «Молот», оставил свои публикации и высказал желание там работать. Через месяц мне позвонил заместитель редактора, предложил должность заведующего отделом сельской жизни. По меркам советской журналистики это был серьёзный карьерный рост.

За год я должен был закрепиться на новом месте, получить жилплощадь и

найти обмен актюбинской квартиры на любое жильё для родителей в Ростове-на-Дону.

В «Молоте» у меня получалось практически всё. Я начал успешно работать, завоевал авторитет. Дорога наверх была ясна и понятна.

Лето выдалось очень жарким, я изнемогал от жары, не хватало воздуха. И в прямом, и в переносном смысле. Люди там оказались совсем не такие, как в Сибири – с двойным, а то и с тройным дном. Большинство – куркули, всё – в дом. Бессонными ночами как я вспоминал и ох как понимал своего деда Якова, вылетевшего из Воронежской области, как пробка из бутылки шампанского. Домой! Назад за Уральский хребет!

Телефонные переговоры с мамой были тяжёлыми, она умоляла перетерпеть первоначальные трудности. Но на мою фразу, что боюсь потерять себя, аргументов не нашла.

– Тогда возвращайся. Ищи нам обмен на Томск.

Боже! Сходя по трапу самолёта в аэропорту Богашёво, я не мог надыхаться ядрёным, студёным, настоящим на хвое воздухом...

Обратно в «Красное знамя» меня как летуна приняли с понижением, простым корреспондентом. Готовя отчёт с сессии областного совета народных депутатов, на выходе после заседания я подкараулил начальника территориального строительного объединения Бориса Алексеевича Мальцева, рассказал о планируемом переезде родителей. Информацию об отчине он выслушал спокойно, дескать, управляющие трестами у него все при деле, но для заслуженного строителя что-нибудь найдёт. Когда же я сказал о маме, начальник главка встрепенулся и воскликнул:

– Женщина – генерал? Беру!

Трёхкомнатную квартиру улучшенной планировки на третьем этаже престижного дома в самом центре Актюбинска мне посчастливилось поменять на двухкомнатную на восьмом этаже молодёжно-жилищного кооператива на окраине Томска. Когда загружали вещи в контейнер, сосед с четвёртого этажа, снабженец, всё сетовал:

– И куда ты, Дмитрий, в такие холода родителей под старость лет везёшь? Раньше в Сибирь только ссылали.

– Да казахский язык выучить не могут, – отшутился я, ставя в контейнер связку книг.

– Я тоже не могу, не хочу и не буду! В Актюбинске все говорят по-русски, и будут говорить, – уверял меня молдаванин.

Пускаться в дискуссию я не стал, молча пошёл в подъезд за новой поклажей.

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ РОЩА

Так мама вернулась в «самый лучший город на Земле». Университетская роща была для неё вообще святым местом, с ним были связаны одни из самых лучших мгновений её жизни. Каждый уголок заветного парка был наполнен воспоминаниями. У памятника павлодарскому земляку Григорию Потанину

под кронами могучих кедров она любила читать стихи. На берегу речки Медички они с подругой тётёй Любой Сёмкиной отмечали защиту дипломных работ – газета вместо скатерти, бутылка портвейна, солёная селёдка на закуску. У выхода из второго корпуса она встречала меня после вступительного экзамена по литературе, когда я стал студентом. А Научная библиотека – вообще храм!

– Просто прохожу мимо – у меня сразу сердце ёкает, – признавалась мама. – Это ж сколько восторгов познания, открытий накопили эти стены за сто лет!..

Административное здание Томскстроя, где она теперь работала, располагалось в трёх кварталах от Роши и Библиотеки. Иногда, когда наваливалось особенно много сложных дел, в обеденный перерыв мама шла в этот свой центр силы и заряжалась позитивной энергией. А после переезда на Кирова областного Арбитражного суда, куда она регулярно ходила на процессы, таких прогулок стало больше.

Она очень редко проигрывала дела. Конечно, неудачи случались, но в серьёзных, знаковых – никогда. Её любимым исходом правового спора было мировое соглашение. Перед началом рассмотрения сложного дела она предлагала противной стороне решить возникшие разногласия миром, но если не находила взаимопонимания, то произносила свою коронную фразу:

– Не хотите по-хорошему – будет по закону.

А закон почему-то всегда был на её стороне.

В последний раз мама оказалась в суде в качестве ответчицы по незначительному частному иску на восемьдесят втором году жизни – в правовом государстве находится немало граждан, желающих злоупотребить своим правом. На этот раз закон был однозначно за неё, к тому же она, как всегда, качественно подготовилась к судебному разбирательству. Но неожиданно предложила молодому нагловатому адвокату мировое соглашение.

Я недоумевал: почему?

– И судья, и адвокат говорят очень тихо, – ответила мама. – Я ничего не слышу. А позориться не хочу...

Она была гением общения. Максимально благожелательная к людям, она умела найти общий язык с любым человеком, от уборщицы до министра. Интеллигентность, начитанность и какое-то внутреннее сияние, как магнитом, притягивали к ней людей. Но высокомерия, хамства и предательства она не прощала никому. В таких случаях её упрямство и категоричность не знали пределов.

ВСТРЕТИМСЯ В ВЕЧНОСТИ

Бядов с его характером не вписался в томскую действительность, хотя его переезд в Томск был своего рода возвращением к истокам. Ведь свою трудовую деятельность инженера-строителя после окончания Гомельского института инженеров железнодорожного транспорта он начинал на прокладке железной дороги Асино – Белый Яр. Ему, имевшему в послужном списке богатейший опыт грандиозных строек, здешние масштабы были малы. Для рыночной эконо-

номики со своей коммунистической убеждённостию он не подходил совсем. Неудовлетворённость главным, работой, превратила его в брызгу. Маме больше не за что стало его уважать. И они развелись, спокойно и буднично.

Выйдя на пенсию, он уехал в Минск. Но родной город разочаровал его ещё и больше, и он вернулся в Россию. Последний раз он звонил маме из Вышнего Волочка Тверской области в 2007 году. А потом растворился во времени.

Первой ушла баба Муся.

Я специально пораньше сдал первую сессию, чтобы успеть на её день рождения. Самолёт из Томска в Павлодар летел ночью. Не отоспавшегося с дороги, к обеду меня разбудила мама, сказала, что бабушка уже ждёт. Шестьдесят один год – не круглая дата, но баба Муся подготовилась к ней основательно. Стол накрыла, как на свадьбу. Хотя были только свои: тётя Рая с дядей Рустэмом и сыновьями Русланом и Тимуркой, тётя Саша с дядей Мишей и Динкой, мама, Бядов и я. Я похвастался перед родственниками зачёткой с одними «отлично», за что удосужился похвалы от дяди Рустэма:

– Ну, Демьян, ты даёшь! Тётя Нина всю жизнь пыталась Димку испортить, но у неё этого не получилось.

Бабушка тоже была очень довольна моими успехами. А дед вообще пожал при всех руку и торжественно заявил:

– Мой внук! Горжусь!

Но потом спросил:

– Одного не могу понять: кто такие – журналисты?

Все дружно рассмеялись. А я начал объяснять, что это те, кто статьи в газеты и журналы пишут, передачи на радио и телевидении делают, пропагандируют, агитируют, мобилизуют.

Дед понял по-своему:

– Раньше были попы, а теперь – журналисты.

И добавил, выдержав паузу:

– Нужное дело.

С важным видом он разлил зятьям и дочерям водки по рюмкам, бабушке и мне – вина в бокал, а себе – вина в рюмку, на самое доньшко. После шестидесяти он стал резко терять зрение, и в один день завязал и с пьянкой, и с куревом. Сильно растолстел, стал прижимистым. Однажды бабушка даже пожаловалась маме на его скупость – лучше б пил.

После студенческой столовки у бабушки я объелся. В четырнадцать лет я последний раз лежал в московской больнице, а потом сказал маме, что больше не поеду, сам буду соблюдать диету. И в подростковом возрасте диабет отступил, но так и остался в скрытой форме на всю жизнь. И всё же иногда, по праздникам, я позволял себе расслабиться... Из-за стола даже вылез с трудом, а придя домой, сразу завалился спать.

Среди ночи разбудил телефон. Звонил испуганный дед: Манечке стало плохо, он вызвал скорую. Мама тут же оделась, побежала к родителям, благо жили они рядом с нами, в квартале ходьбы.

Вернулась она под утро с серым лицом, заплаканными глазами. Тихо прозвнесла:

– Инсульт. Мама – без сознания, дома.

Бабушка промучилась чуть больше недели, дочери по очереди дежурили рядом с ней. Ветреным пасмурным февральским днём ближе к обеду, когда я собирал чемодан в Томск, позвонила мама, велела срочно прийти к бабушке.

Зашторенное окно. Дед нервно ходит по кухне. Бабушка лежит в комнате на раздвинутом диване, вместо дыхания из её рта вырывается какое-то клокотание. Дочери окружили мать, сидят у изголовья. Двенадцатилетняя Динка в шоке, от страха вжимается в угол за сервантом.

Вдруг бабушкино дыхание учащается, она изо всех сил пытается оторвать голову от подушки, словно хочет что-то сказать... Но падает назад с остекленевшими глазами. В комнате устанавливается непривычная тишина. Её разрывают страшные крики мамы и её сестёр. Даже прошедший три войны дед не может найти себе места, мечется из угла в угол. Я, как зомби, подхожу к родному, ещё тёплому телу, закрываю усопшей глаза.

Горе парализовало волю сильных людей. Дядя Миша запил, Бядов работал. Правда, автобус и грузовик для гроба на похороны он из своей организации выделил. Остальные просто были в ступоре, и мне выпало выполнять все необходимые бюрократические процедуры. Ритуальных агентств тогда не было, получением справок, свидетельства о смерти, разрешения на захоронение приходилось заниматься родственникам.

Мама дала мне денег, и я на такси объезжал все инстанции. Проблема возникла только на кладбище, куда меня отвёз на своей машине дядя Рустэм. Могилы рыли экскаватором, а после ровняли лопатами: за работу с мёрзлым грунтом кладбищенские землекопы заломили такую цену, что даже дядя Рустэм был в шоке.

– Сами поправим, для близкого же человека! – решительно заявил он.

Весь следующий день втроём (дядя Миша с глубочайшего похмелья) мы провозились с могилой.

Дед оставался бобылём где-то с полгода. К осени в его квартире уже хозяйничала тётя Даша, бывшая соседка по частному сектору, жившая на углу улиц Фрунзе и Льва Толстого. Года два они прожили вместе, но однажды поссорились по мелочи. Решив проучить деда, тётя Даша ушла и две недели жила в своём доме. А когда вернулась, Яков Иванович её и на порог не пустил:

– Извини, Даша. Но у меня уже Маша.

На его кухне хлопотала другая соседка, с противоположного угла квартала, с улицы Достоевского...

В сентябре 1992 года я прилетел в деловую командировку в Павлодар, пытался восстановить разрушенные после развала Союза хозяйственные связи в интересах уже собственного бизнеса. Перед этим были Грузия, Молдавия, разваливавшаяся Югославия, своими глазами увидел, что такое война. Впечатлениями и мыслями стремился поделиться с дедом.

Яков Иванович как фронтовик лежал в областной больнице в отдельной палате – перенёс инсульт, был прикован к постели. Медсёстры только ставили ему уколы и капельницы, кормили и обмывали полупарализованного старика родные. На одну ночь я подменил тётю Раю. Она облегчённо вздохнула:

– Хоть выплусь.

Её муж, дядя Рустэм, тоже восстанавливался после инсульта, за ним тоже нужен был уход.

Дед большей частью бредил, меня признал не сразу. С горем пополам я накормил его ужином, поменял утку. И он забылся. Я задремал следом, а среди ночи проснулся от его пронзительного взгляда.

– Умаялся, внучок? Ты так крепко спал. Ну как там мой правнук? Как сам? Чем живёшь? – засыпал меня вопросами дед.

Я рассказал ему всё подробно, но о войне зря заговорил. Дед сразу занервничал, его голос стал отрывистым:

– Такую страну развалили, сволочи! Сталина на них нет!

И снова впал в беспамятство...

Утром я улетел в Москву. А Яков Иванович Барчук скончался на Покров. Похоронен он на Аллее ветеранов Великой Отечественной войны Павлодарского кладбища, в городе, который он до конца дней своих отказывался считать за границей.

Восемнадцать лет тётя Рая ухаживала за своим больным мужем, который ушёл на инвалидность. В критических ситуациях часто спасал отца сын Руслан, ставший врачом. Благодаря квалифицированной медицинской помощи сына и каждодневной заботе жены дядя Рустэм и протянул так долго. И ушёл в иной мир тихо, по-домашнему: сидел в любимом кресле, держа руки дорогих ему людей, и затих. Остановилось сердце.

Я впервые оказался на мусульманском кладбище в Павлодаре. С портрета, высеченного на могильном мраморе, на меня смотрел близкий человек, которого с малолетства я знал как своего доброго, заботливого, отзывчивого дядю Руслана. Знал, что по паспорту он Рустэм, но так он был ближе, роднее. И вдруг на памятнике – Ахметжан улы Рустем, род Аргын. Даже фамилии его паспортной – Базиков – нет.

Я не удержался, спросил тётю Раю:

– И что, когда ты уйдёшь, будешь лежать далеко от мужа, на другом кладбище?

Вдова вздыхает, отвечает тихо, смиренно:

– Да. А что поделаешь?

Я поворачиваюсь к Руслану, вообще не крещёному:

– А ты свой выбор сделал?

Чтобы не обидеть мать, он уклончиво отвечает, что ещё не решил. Почувствовав неискренность сыновьих слов, тётя Рая со слабой надеждой говорит:

– А может, со мной, сынок?

Руслан поворачивается к машине:

– Скоро вечер. Темнеть начнёт. А на православном кладбище ещё много наших...

Когда чувствуешь, что пережить трагедию не хватает сил, стараешься о ней не думать. Так поступил и я, когда умерла тётя Саша, моя любимая тётушка. Если маме и тёте Рае от Барчуков досталась хоть какая-то внутренняя защита

от негатива жизни, то тётя Саша была лишена такой способности начисто. По степени доброты, жертвенности она превзошла даже бабушку. Возможно, поэтому, уйдя так рано, ненадолго её пережила.

На похороны любимой сестры в Павлодар мама поехала на автобусе одна, потому что я ещё не отошёл от своего инсульта, и такой долгой дороги, особенно за рулём, не выдержал бы. Остался дома на хозяйстве поливать огород и выгуливать собаку, поэтому имел возможность убедить себя, что тётя Саша просто куда-то уехала. Далеко, где нет связи.

И вот спустя четырнадцать лет внушённая иллюзия рушится. На самом краю кладбища в окружении молодых деревьев двоюродная сестра Дина создала для родителей маленький семейный пантеон: два мраморных памятника в одинаковом исполнении со скорбными тюльпанами по краям словно тянутся друг к другу. На могиле тётя Саши я не могу сдержать слёз, соседнее захоронение стараюсь просто не замечать. То, что памятники одинаковы, – не по мне. Несправедливо: она отдала все силы, тянула на себе семейный воз, а он...

Из трёх сестёр счастливым можно назвать замужество только тётя Раи. У мамы их было два, второе удачнее первого, но сердце её успокоилось в одиночестве. У тётя Саши же был брак во всех смыслах этого слова. Люди – не ангелы, в нашем роду тоже много мужиков без тормозов. Но работа есть работа, мужик – на то и мужик, чтобы содержать семью, а в случае с дядей Мишей всё было наоборот. Свой главный лотерейный билет он вытянул, когда на улице Фрунзе в Павлодаре подсел на лавочку к смешливой девчонке. Дивидендов с этого ему хватило на всю жизнь.

Добрый, весёлый, он любил детей, и я его тоже очень любил. Как мы бесились с ним в их двухкомнатной квартире, когда он был слегка под градусом! Однажды даже перебили весь хрусталь в серванте – так тётя Саша даже моей маме ничего не сказала!

Ещё, когда мне исполнилось десять лет, мы вместе переплыли горное озеро шириной больше трёх километров. У берега вода прогрелась, а на глубине – холоднющая. Резиновый матрас оказался с дыркой, дядя Миша несколько раз его надувал, пока я, гребя руками по-собачьи, барахтался вокруг... На другой берег мы выбрались уже в сумерках, меня шатало от воды, и я отказался плыть назад в темноте. Мы пошли в обход по прибрежным скалам, ближе к полуночи нас подобрала лодка.

Мужики на турбазе чуть не устроили над дядей Мишей суд Линча, один даже врзал ему в сердцах по лицу. Это был коллективный выезд сотрудников тётя-Сашиной организации в горы, бедная тётя Саша за долгие часы нашего отсутствия не находила себе места. Металась по берегу, твердя одну фразу: «Что я Нине скажу?», а пятилетняя Динка хныкала рядом: «Ага, мамочка, ты только за своего Димочку переживаешь, а мне и папеньку жалко...». Тогда я не понимал, за что так строго спрашивают с моего дядьки – всё же обошлось... Понял и осознал через много лет, когда сам стал отцом. Наше возвращение на турбазу было сродни чуду, ведь дядя Миша поплыл со мной пьяным.

По профессии он был экскаваторщиком, но на одном месте долго не работал – увольняли за прогулы. Руками умел делать всё, даже лучше моего отца. Когда был трезвым. А это с ним случалось всё реже и реже.

– Бросай ты этого алкоголика! – кто только этого тётке Саше не говорил – и мать, и сёстры.

– Мишка без меня пропадёт, – упрямо твердила Александра.

Проспиртованный насквозь, он пережил жену на семь лет...

А может, Дина и права, что так похоронила отца. Ведь это место на кладбище пустовало, словно дожидалось его. А смерть уравнивает всех.

С Алёнкой мы созванивались редко – поздравляли друг дружку с днём рождения, заодно узнавали, что произошло за год в наших семействах. И вдруг звонок морозным утром в начале декабря.

– Привет, братишка...

Она старалась бодриться, но я сразу всё понял.

– Отец? Когда?

– Вчера. Послезавтра похороны. Ты приедешь?

Мой ответ был уклончивым. Мама переехала на зиму в городскую квартиру, поближе к больнице, а я с сенбернаром и котом собрался зимовать на даче. За старым газовым котлом, который часто отключался, постоянно нужно было следить...

Но не поехать я не смог. Знакомые сантехники пообещали приехать завтра, слить воду из системы отопления, законсервировать дом. Семилетнего пса скрепя сердце пришлось отдать в гостиницу для животных. Но, когда на следующий день я добрался до автовокзала, автобус на Павлодар уже ушёл. Единственным способом успеть на прощание с отцом оставалось такси – почти тысяча километров зимой, в другую страну, через границу и таможню. На это ушло больше половины имевшихся у меня денег, часть на похороны бывшего мужа дала мама.

Отца я начал поминать в первый же вечер после получения печального известия, в дороге ещё накатил. Водка пилаась, как вода. На отпевание в церковь я успел, но был с глубокого похмелья. На кладбище только запомнил, что отца похоронили рядом с бабушкой и дядей Толей...

Удивительно: приехав на павлодарское кладбище спустя десятилетие, не зимой, а летом, я легко нашёл могилу отца и положил на неё искусственные цветы. Словно он сам меня подозвал.

На склоне лет мама увлеклась огородничеством – работа на земле успокаивала, в памяти оживали картины детства, молодости. Добрым словом она поминала уроки своего отца и первой свекрови, учивших её азам земледелия.

В последние годы она страдала от страшных болей в позвоночнике, сильно сгорбленная, передвигалась только с тросточкой, потом – с ходунками. А на восьмидесятилетие внуки подарили ей коляску с сиденьем и багажником для покупок. Она катала её перед собой, опираясь на поручни, могла сама сходить даже в магазин. А однажды впала в детство и решила прокатиться по бульвару на проспекте Кирова – уселась, оттолкнулась и понеслась, как в былые времена по лыжне. Пока не налетела на бордюр. Сильно ударилась, хорошо, что кости не поломала...

Никакие обезболивающие препараты ей уже не помогали, проблемой стало даже передвижение по квартире.

– Но ведь руки же на себя не наложишь – грех! – в глубине души она осталась христианкой.

Её мечтой было уснуть и не проснуться.

Однажды вечером, возвращаясь с прогулки с собакой, я решил провести маму без предварительной договорённости: когда мы созванивались в обед, её голос по телефону был не такой, как обычно... Захожу в квартиру – темно. Вижу на кухне в оконном проёме её сгорбленный силуэт. Включаю свет. Мама сидит у стола перед горой таблеток, руки трясутся. И приговаривает:

– Мне надо выпить таблетки... Мне надо выпить таблетки...

Я вызвал скорую. Оказалось, уровень гемоглобина у неё упал до критического уровня. Её положили в больницу, сделали переливание крови, и сознание вернулось. Причиной внутреннего кровотечения оказалась язва желудка, обострившаяся на фоне приёма обезболивающих таблеток. Но это выяснили уже врачи ковидного госпиталя, куда её перевели после того, как в больнице заразили коронавирусом. Неделю мы созванивались с мамой по телефону. А потом её перевели в реанимацию.

– Слушай, сын... А может, там и впрямь что-то есть? – подняв глаза вверх, неожиданно спросила меня мама за день до вызова скорой.

– Конечно, есть.

– И мы все там встретимся?

– Обязательно, мама. Все встретимся. И всем всё простим. И нас простят...